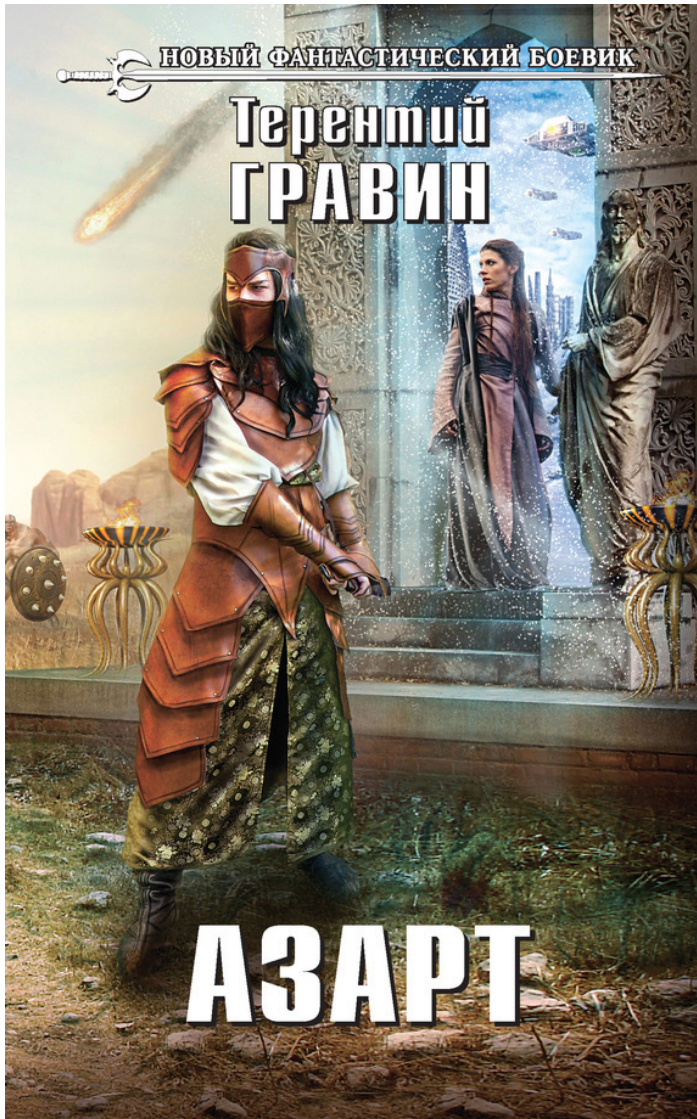

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Терентий ГРАВИН

АЗАРТ

Терентий Гравин

Азарт

Серия «Азарт», книга 1

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8631699
Азарт: Эксмо; М.; 2014
ISBN 978-5-699-76417-4

Аннотация

Что может быть хуже, чем стать калекой, лишенным возможности двигаться и даже говорить?

Прошедшему испытания боями Максиму Ланферу трудно смириться с тем, что его дни бесславно закончатся на больничной койке, и, когда появляется шанс, он готов сражаться за свою жизнь. Экспериментальная программа переносит героя в виртуальный мир, полный неведомых опасностей, тайн и новых возможностей. Максиму и его соратникам предстоит трудный путь через земли Багряной Смерти, квесты и магические поединки.

Созданные гениальными учеными миры так не похожи на тот, что остался за окном его палаты, но Максим готов на все, чтобы вернуться...

Содержание

Вступление	5
Глава 1	17
Глава 2	27
Глава 3	38
Глава 4	53
Глава 5	63
Глава 6	76
Глава 7	89
Глава 8	106
Глава 9	117
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Терентий Гравин

Азарт

© Гравин Т., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вступление

Из-за жутких шрамов на лице спящий мужчина выглядел страшно. Казалось, он специально хмурился и кривился, чтобы напугать наблюдателей. Но на самом деле это выражение «расслабленности и покоя» было только «цветочками» по сравнению с наихудшим воплощением. Когда он резко дернулся, просыпаясь, начался сущий кошмар. Нормальному человеку, не видевшему такое прежде, трудно было бы представить гримасу ненависти, ярости и бешенства, которая отразилась на лице мужчины.

Когда изуродованные ожогами веки раскрылись, создавалось жуткое впечатление, что они расползлись в стороны. В этот же момент шрамы на лице задвигались, словно белые черви, неправильно сросшиеся губы раскрылись, обнажая только часть положенных природой зубов, а из глотки вырвался четкий, но совершенно неуместный дикий вопль: – Банзай!

В следующее мгновение мужчина судорожно рванулся всем телом и порвал часть широких тканевых полос, которыми был привязан к кровати. Еще несколько конвульсивных движений, и все путы оказались сорванными, а пациент под те же яростные вопли рухнул с кровати, покатился к стене и сильно ударился в нее лбом. Получи кто-либо иной такой удар по голове – сразу бы потерял сознание. Но уже в

следующее мгновение человек вскочил на ноги и бросился крушить все подряд. Вначале досталось медицинским приборам, стоящим у изголовья кровати, потом вдребезги разлетелись обе массивные тумбочки, а затем и вся кровать подверглась варварскому разрушению. Напоследок он подхватил то, что осталось от кровати, и с невероятной силой бросил в зарешеченное окно.

Еще несколько подобных ударов, и решетка проломилась бы, но заполнивший помещение сонный газ сделал свое дело. Второй раз поднимая импровизированное орудие для удара, пациент пошатнулся, а потом сполз на пол грудой бесчувственной плоти.

Трансляция записи закончилась, и Аристарх Александрович Синицын, главврач психиатрической специализированной лечебницы, устало потер красные от недосыпания глаза, с сочувствием посмотрел на своего посетителя и подчеркнул официальным тоном заявил:

– Ну вот, уважаемый Сергей Вадимович, вы все сами видели, и теперь, надеюсь, все подозрения с якобы санитаров-садистов сняты?

Сидящий напротив него представительный и, казалось, совершенно невозмутимый мужчина с досадой дернул уголком губ:

– Я тебе обвинений не выдвигал, истерик не закатывал... И давай-ка без этого неуместного между старыми друзьями

официоза! Ну а реакцию матери, которая видит сына каждый раз окровавленным и с синяками, ты и без меня просчитать можешь. Она в состоянии аффекта порой какие только грубости не говорит. А за своих детей мать любого голыми руками растерзает. Даже я стараюсь с ней в подобных случаях не связываться.

– Ну да! – недоверчиво хмыкнул главврач. – Еще скажи, что ты Стасю боишься.

– Этого я не скажу! – взгляд собеседника заledenел и стал буквально физически давить на хозяина кабинета. – Потому что никого не боюсь!

После этих слов и под таким взглядом Аристарх Александрович постарался приложить все свои умения и силу воли, чтобы не вздрогнуть. Он только вежливо улыбнулся и пару раз кивнул, соглашаясь. А вот холодный пот на спине произвольно выступил. Уж господин Сеницын отлично знал сидящего перед ним человека, давно, чуть ли не со школьной парты. И, несмотря на приятельские, очень доверительные отношения между ними, вполне справедливо опасался разгневать, или, не дай бог, оказаться просто в оппозиции к Сергею, ибо в определенных обстоятельствах господин Ланфер мог недрогнувшей рукой и жену свою, Анастасию, к праотцам отправить. У Сеницына хорошо отпечатались в памяти момент, когда на одной из вечеринок для «своих» Сергей в большом подпитии заявил:

– А что жена? Давно приелась и остается только фасадом

семейного благосостояния. Не станет ее, иной фасад отыщется, еще более престижный и привлекательный. Ко всему прочему, новая жена моментально и детей новых нарождает.

Вот детей Сергей Вадимович любил. Как и внуков. Две старшие дочери осчастливили его уже семерыми внуками, да и младшая совсем недавно подарила миру очаровательную девочку. И за них он без раздумья мог снести голову любому, кто вдруг встанет на пути их счастья и благополучия. Прецеденты имелись, и наверняка не единичные.

Но если дочери только радовали своего отца, то третий по счету ребенок, единственный сын, привносил страшную дисгармонию в семейный покой и счастье. Он с самого детства словно имел шило в одном месте: нигде и никогда больше пары минут не высиживал спокойно, вечно куда-то бежал, постоянно падал, разбивал коленки и набивал шишки, встречал в приключения и влипал в неприятные истории. Никто его не мог остановить: ни няньки, ни воспитатели, ни учителя, ни тем более родители. В нескольких безвыходных ситуациях мальчишку даже вынуждены были связывать – настолько он всех допекал своим несносным поведением. Но когда он чуть не задохнулся, пытаясь выпутаться, отец раз и навсегда запретил подобные методы сдерживания. Только рявкнул со злостью:

– Если сам себе лоб расшибет – это будет только его вина!

Конечно, никто не самоустранился от воспитания. Ребенка заставили заниматься спортом, нагрузили интересными

дополнительными занятиями; привили любовь к музыке и обучили довольно сносно играть на нескольких инструментах. Ему дали редчайшую для иных детей возможность заниматься собирательством или коллекционированием по любой теме. И, разумеется, двери самых лучших школ и наиболее престижных университетов для парня всегда были открыты. А учился он, несмотря на свое несносное поведение, великолепно. Любой самый сложный материал схватывал на лету, языки покорялись с первых же уроков, обильная информация из энциклопедий удерживалась в памяти, словно первая строка таблицы умножения, а тренеры бегали за ним, умоляя вернуться в подшефные им спортивные секции. Практически все учителя и преподаватели разделились на два лагеря – равнодушных в отношении Максима-Адриано не оставалось. Его либо ненавидели, либо превозносили до небес и называли вундеркиндом. Правда, восторгающихся, чего уж там врать, было раза в три меньше. Зато из первой группы, ненавистников, редко кто осмеливался заявлять о своем отношении к ученику вслух по одной простой причине: папочку, господина Ланфера, очень уж опасались.

И его было за что бояться...

На этом месте воспоминания главврача оказались прерваны вопросом посетителя:

– У тебя есть что-нибудь выпить? – Все-таки Ланфер, как ни скрывал свои чувства за фасадом хладнокровия и надменности, оказался жутко расстроен после просмотра край-

не негативной записи. Как это было ни прискорбно, сын в который раз за последние две недели подтвердил свое полное умопомешательство.

– Есть ром, отличный...

– Давай! – глядя на стаканы, наполняющиеся янтарной жидкостью, гость грустно признался: – Печень пошаливает, а ведь нам только по шестьдесят пять...

– Хо-хо! – Врач принялся к своей порции, но, прежде чем выпить, напомнил очевидное: – Мы еще с тобой – как огурчики! Иные уже в шестьдесят пьют только лекарства, а женщину могут только пощупать.

Выпили, закусили конфетами «Рафаэлло», тут же выпили по второй, и по расслабленному лицу Сергея Вадимовича стало заметно, что его отпустило: звенящее в нем напряжение рассеивалось, спадало. Наверное, именно по этой причине господин Сеницын решился на вопросы, которые давно не задавал по причине огромной личной занятости и отсутствия подобной доверительной обстановки. Но начал с самого простого:

– А чего это он время от времени «Банзай!» кричит?

– Понятия не имею... Привез откуда-то со своих последних военных приключений. Средняя дочь выпытала у него, что так их отделение орало, когда шло в атаку или сходилась врукопашную. Сержант заставлял.

– А что со следствием? – сменил тему врач. – Окончательно определились?

– Да как сказать... – пожал плечами Ланфер.

– Как есть, так и скажи, – проявил главврач осторожную настойчивость и получил в ответ довольно полный отчет недавно завершившегося расследования:

– С машиной полный порядок. Три независимые группы экспертов не отыскиали ничего подозрительного. О крови ты и так знаешь: ни капли алкоголя или наркотиков. Вывод однозначен: Максим-Адриано попросту задремал за рулем и вместо поворота поехал по встречной полосе прямо на ограждения. Если бы не высочайший профессионализм водителя трейлера, который чудом сумел свернуть в сторону, смерть была бы моментальной от столкновения лоб в лоб. А так машина лишь пробилла ограждения и скатилась вниз по довольно мягкому травяному откосу. Но тут вступают в силу сразу несколько противоречий: во-первых, сын только три часа до того встал и прекрасно выспался. В кои-то веки у него никакая шлюха не ночевала. Видевшие его до аварии люди говорят в один голос, что он был бодр, свеж и подтянут. И еще... Водитель грузовика утверждает, что Максим-Адриано как-то слишком уж лихорадочно пытался дергать руль левой рукой в сторону, но машина все равно мчалась прямо. То есть, если верить водителю, он точно не дремал.

– С его-то силищей? – не поверил Аристарх Александрович. – И не справиться с управлением? Ты ведь видел, как он пути порвал, пусть и в бессознательном аффекте.

– Есть предположение, что сработал блокиратор руля, –

подставляя стакан для новой порции рома, продолжил Ланфер. – Хотя эксперты в один голос твердят, что такое невозможно. Да и экспертиза отвергла подобное предположение. Противоугонное устройство в колонке руля находилось в нормальном положении. Но... самое загадочное... – Рассказчик сделал паузу и выпил крепкий, сорокапятиградусный напиток, словно воду. Так и не закусив, он продолжил: – ...это утверждения все того же водителя грузовика. Он заявляет, что правой рукой Максим-Адриано от кого-то пытался отбиться... Или отмахнуться...

Главврач не удержался от скепсиса:

– Что за ахинея? Пчелы оказались в машине? Полная ерунда! Еще кто-то с ним ехал? Так ведь куча свидетелей немедленно набежала, и гасили горящую машину всем миром. Или у тебя подозрения совсем иного толка? Предполагаешь, что...

– Вот как раз у тебя и хочу спросить. – Ланфер мотнул подбородком в сторону продолжавшего светиться экрана, напоминая, о ком идет речь. – Не мог ли мой сын еще до аварии оказаться... э-э-э... немножко не в своем уме?

– Хм! – Лоб врача покрыли глубокие морщины. – Если с этой точки рассматривать произошедшее... то как врач вынужден подтвердить: мог. Он ведь у тебя два раза на два года сбегал неизвестно куда и воевал неизвестно где. За это время его могли сто раз убить и уж один раз точно наградить сотрясением мозга. А ко мне на обследование ты его ни разу так

и не привозил. Так что... скорей всего... могло и случиться нечто этакое... Затемнение в сознании или неожиданное воспоминание о пережитом кошмаре. Порой человеку, особенно прошедшему войну, что только не примерещится. Но что там случилось на самом деле – один господь бог ведает. Ну и... сам Максим-Адриано, естественно. Если удастся его вылечить – расскажет.

Сергей Вадимович подался вперед, вглядываясь в глаза хозяина кабинета:

– *Если удастся?* То есть шансы еще остаются?

– Шансы есть всегда! – заверил Сеницын. – Тем более если мозг человека не претерпел убийственную, разрушительную деформацию. А у твоего сына мозг цел и, к всеобщему удивлению, остается в полном порядке. Давление проломленных костей мы устранили, заживление прошло великолепно, и теперь только остается проверить на пациенте весь сонм известных нам методик. В том числе и новых разработок.

– Будете колоть иными препаратами? Или есть другие методы? Вопрос в стоимости или в чем?

– С уколами мы пока повременим, – перешел врач на менторский тон, чувствуя себя в своем праве и на любимом коньке. – Разве что успокоительные препараты продолжим вводить, чтобы не допускать подобных взрывов ничем не объяснимого бешенства. А вот средства понадобятся, и немалые. И вот для чего... – Он положил перед визитером

папку с документами, чертежами, техническим описанием и заключительными выводами. – Ты почитай на досуге спокойно, но сразу тебе обрисую самое главное. Метод «игрового восстановления» уже зарекомендовал себя воистину великолепно. Я сам провел мониторинг по итогам двух действующих комнат, изучил истории болезней и отыскал много аналогий и совпадений с нашим случаем. Если вкратце – пациента попросту стараются пристрастить к простейшим игровым приставкам. К примеру, тот же «Тетрис». Играл Максим-Адриано в него в детстве?

– Да во что он только не играл!

– Тем лучше. Моторика тела и подспудная память подскажут ему правильные действия во время игры, и постепенно начнется восстановление прежних навыков. Затем игры усложняются, тем самым заставляя мозг развиваться, точнее говоря, самоисцеляться. Пациенты вначале «впадают в детство», а уже оттуда довольно быстро выкарабкиваются в воспоминания взрослой жизни. Наиболее сложным является первый шаг: усадить психически неполноценного человека перед экраном, заставить его правильно держать джойстик и дать почувствовать связь между ним и увиденным изображением. Так что присутствие твое и Анастасии на первом этапе – обязательно.

Заинтересовавшийся Сергей Вадимович все равно хмурился:

– Так в чем проблемы? И разве игрушка «Тетрис» на-

столько уж дорога?

– Сама игрушка – нет. А вот вся специальная комната, или палата виртуально-игровой терапии, с мягкой обивкой, особенным коконом, со специальными экранами и уникальными голографическими проекторами – тянет на баснословную сумму. Особенно с учетом излишнего буйства, которое порой одолевает твоего сына. Еще и отдельное помещение рядом необходимо оборудовать для оператора и аналитических приборов. Ты просто не поверишь, когда прочитаешь на последней странице папки смету, и заподозришь невесть что...

Последняя страница была тщательно рассмотрена, после чего гость тяжело и шумно выдохнул, признаваясь:

– Не поверил!.. И очень, очень тебя, Аристарх, заподозрил!.. Но... Знаю тебя слишком давно. И уверен, что ты меня тоже знаешь не понаслышке. А потому просто не рискнешь обманывать или наживаться на трагедии моего сына. Мало того! – Он поднял руку, прерывая готовые сорваться заверения. – Я прекрасно понимаю, что данная «игровая комната» в любом случае останется в твоей клинике, и ты с ее помощью займешься лечением иных пациентов. Так ведь?

– Естественно! Но покупка останется в твоей собственности. И я почему-то уверен, что оборудование со временем окупится. Если ты сомневаешься в эффективности вложенных капиталов, посади своего бухгалтера или присылай проверяющего... Хотя ты и так знаешь – у меня тут почти не

воруют и взятки левых не берут.

– Знаю. Потому и соглашаюсь. И передаю тебе средства с оформлением права владения на клинику. Работай. Мне для сына ничего не жалко. Если Максим-Адриано восстановится и вернется к нам, вся последующая прибыль с комнаты меня совершенно не интересует, будешь распоряжаться ею по своему усмотрению.

– Добро. Все понял. Тогда немедленно делаю заказ и выделяю помещение для новой палаты.

Глава 1

Тюрьма

Кажется, я здорово влип. Основательно. И выхода из этой трагической и неприятной ситуации не вижу. Нахожусь в полной темноте и уже в который раз пытаюсь провести инвентаризацию собственной памяти. Зовут меня Максим-Адриано. Ну да, двойное имя, пусть вас это не смущает. Родители при моём рождении не сошлись во мнениях, вот и ода-рили имечком. Пусть для кого-то и дико звучит обращение Максим-Адриано Сергеевич, но я привык и мне нравится.

Так вот, о моей памяти... Читать и писать не научился. Довольно солидные знания никуда не делись – помню почти каждый момент собственной жизни. Мне сорок два года – в полном расцвете сил. Был по крайней мере до недавнего времени. Но и сейчас, как это ни странно звучит, осознаю своё «я» вполне адекватно, правильно, и уж точно за психа себя не считаю.

Только вся беда в том, – как я успел к данному времени разобраться, – что сознание полностью утратило контроль над телом. Моя брэнная тушка живёт собственной жизнью, к которой я никак не могу подобрать рычаги управления. К примеру, мне хочется поднять руку – а дёргается нога. Хочу шагнуть – но падаю на спину. Открываю рот – голова тря-

сётся в нервном тике. Вкус каши во рту гудит в ушах воплем дикого зверя, а голос родной матери меня опрокидывает ударом в солнечное сплетение. С обонянием тоже неразбериха. Даже глаза открываются и закрываются помимо моей воли.

Но самым страшным оказалось недавнее событие. Я спал, как мне казалось, но моё тело в этот момент в безумной ярости крушило все, что имелось в палате. Я очнулся и осознал происходящее лишь в самом конце этого кошмара, когда неподвластные мне руки с вывернутыми от перегрузок суставами пытались выбить окно. Мне показалось невероятным, что обоняние распознало сонный газ, я четко услышал его шипение и звон стекла и даже смог осознать момент своего падения. У меня и раньше бывали моменты просветления, но это всегда относилось к чему-то в отдельности: либо слух, либо движение, либо обоняние. Поэтому и невероятно – ведь еще ни разу после аварии так много чувств (сразу четыре из девяти!) не становились мне послушны одновременно: обоняние, слух, ноцицепция¹ и проприоцепция².

Ну да, чувств у человека девять. Если не больше. А вы не

---

¹ Н о ц и ц е п ц и я – восприятие боли кожей, суставами и органами тела. Странно, но сюда не относится мозг, в котором вообще нет чувствительных к боли рецепторов. Головные боли – независимо от того, что нам кажется, – исходят не изнутри мозга.

² П р о п р и о ц е п ц и я – или «осознание тела». Это понимание того, где находятся части нашего тела, когда мы не чувствуем и не видим их. Попробуйте закрыть глаза и покачать ногой в воздухе. Вы все равно будете знать, где находится ваша ступня по отношению к остальным частям тела.

знали? Обычная косность мышления и навязанные стереотипы. Как повелось рассуждать о пяти чувствах испокон веков после Аристотеля, так и талдычат в большинстве своём одно и то же.

Хотя толку от моих знаний – ноль. Что с того, что мне известно про все девять чувств, если они мне совершенно не подчиняются? Правда, в последние дни мне удавалось как-то управлять слухом. В медитативном состоянии «наполнения праной» я начинаю воспринимать поток звуков вполне правильно и адекватно. Пусть и кажется, что уши набиты ватой, а иногда и повторы странные случаются, как у заезженной пластинки, но это уже великий прорыв. Как мне кажется. И тут вдруг сразу четыре чувства мне стали подвластны! Чем не прогресс? Пусть и медленный, но всё-таки...

Вот бы еще зрение взять под контроль. Мышцы сокращаются бесконтрольно, шея чаще всего поворачивает голову не туда, куда мне нужно. Тоже мне, балда безмозглая, обрела независимость! А ведь насколько было бы проще, если бы я мог подавать знаки глазами. Я читал о таких случаях и видел в кинофильмах, когда полностью парализованные люди, моргая, могут отвечать на простейшие вопросы своих родственников. А вот я – увы! – не могу. Для такого «счастья» нужно ещё и мышцами век научиться управлять.

Вот и сейчас: лежу вроде как на кровати, мои глаза открыты и смотрят в стену. А я, словно вор, пытаюсь выглянуть в мир, подсмотреть, что там творится. Если правильно

интерпретировать появление в моем поле зрения края серого медицинского халата, меня либо подкармливают внутривенным питанием, либо попросту меняют утку. Ну да, как это ни прискорбно, но и естественные процессы очищения организма мне тоже неподвластны. Хотя есть плюс: до меня очень редко доходит понимание моей полной беспомощности, поэтому я стараюсь не заморачиваться на таких бытовых казусах.

А вот послушать, о чём говорят санитары, – просто необходимо. Их слова, порой полные цинизма, а то и презрения к пациенту, всё равно являются чуть ли не единственным мостиком, связывающим меня с остальным миром.

Как можно быстрее стараюсь обрести состояние полного покоя и ввожу сознание в расслабляющую медитацию. За свою жизнь я каких только религиозных взглядов и научных течений не придерживался. Изучал глубоко, только вот бросал быстро и, как правило, всегда разочаровывался. Но медитировать, впитывая прану через чакры, научился лихо. Опять-таки откровенно насмехаясь и над самим понятием о чакрах, и над теми, кто о них с умным видом рассказывает, при этом заболевая и умирая, как и все остальные обыватели.

Получилось. Вначале словно издалека, а потом всё отчетливее слышу разговор местных медбратьев:

– ...мало ли что рассказывают! – ворчал один недовольтно. – Любого психа надо лечить успокоительным и относить-

ся к нему как к дикому, опасному зверю. Иначе без головы останешься!

– Это ты зря так кидаешься в крайности, – рассуждал его более спокойный и, судя по голосу, несколько более старший товарищ. – Всё-таки случаи излечения происходят, люди возвращаются в общество и довольно сносно в нём адаптируются.

– Ха! Неужели ты веришь, что, к примеру, данного дурика можно вылечить? Ты вспомни, что он недавно со своей палатой сотворил. Как по мне, я бы таких сразу усыплял и средств на него не тратил.

– Экий ты прыткий! Во-первых, средства не твои. Чего тебе их жалеть? А во-вторых, если всех дуриков усыплять, то клинику закрывать придётся. А где тебя, такого идиота, ещё на работу примут?

– Эй! Ты за словами-то следи! – не на шутку обиделся первый санитар. – Сам-то чего доцентом в академии наук не работаешь? Мозгов не хватает? Или они у тебя только для ухода за такими вот буйными заточены?

– Любую работу надо любить, – примирительно продолжил второй. – Да и человек этот перед тобой не виноват. Представь только на минутку, что он твой брат или отец... А-а! Вот то-то же!

Некоторое время царило молчание, а стена в моём поле зрения вздрогнула, потом поехала в сторону, и мне представилась возможность рассмотреть мраморный плинтус. Ви-

димом, тело передвигали, мыли, возможно, делали массаж, чтобы не было пролежней. А я от всей души мысленно сочувствовал тяжкому труду этих санитаров. Всё-таки, в самом деле, мужики рисковали своими головами. Сам как вспомню сцену крушения палаты и попытку выбить решётку – вздрагиваю. Конечно, не телом вздрагиваю, а неким подспудным естеством.

Но... Кажется, дернулся я не только мысленно, потому что голос молодого санитаря прозвучал тревожно:

– А чего это он дёрнулся?

Ого! Неужели моя внутренняя иннервация³ пробила себе дорогу наружу?

– Не обращай внимания, – успокоил второй санитар коллегу. – У него частенько такие конвульсии. Но к буйству они не приводят.

– Уверен? – Ответа не последовало, зато желание поспорить не исчезло. – Всё равно я этой глупости понять не могу: возводить для дурика такую универсальную палату с дорогостоящим оборудованием, чтобы он в «Тетрис» мог поиграть? Ну не абсурд ли?

– «Тетрис» – только вначале. Потом игры станут усложняться, тело вообще в кокон полного жизнеобеспечения уложат.

– Вот! Именно это я и хотел от тебя услышать. Представь,

---

³ И н н е р в а ц и я (лат. nervus – нерв): 1) разветвления нервов; 2) влияние нервов на отправления организма.

что лечение прошло успешно и клиент выздоровел. Что случится после этого? Да всё просто, как трамвайная рельса! – возбуждённо выплёвывал он. – Всех психов положат в такой же точно кокон, все станут счастливы, клиника закроется, а мы – останемся без работы.

Его товарищ слушал рассуждения и смеялся:

– Опять ты впадаешь в крайности. Эта новинка создана лишь как один из методов лечения от психического расстройства. Предназначен только для взрослых, побывавших в катастрофах или перенесших невыносимый для их сознания психологический стресс. Разве у нас тут таких много? Этот да ещё парочка. И не факт, что они излечатся... Так что поверь мне, работы нам хватит до самой пенсии.

Сидеть в тюрьме из собственного тела долгие годы до чьей-то отдалённой пенсии мне совершенно не хотелось. Поэтому я максимально сконцентрировался на мышлении, стараясь понять, о каком коконе идёт речь и как скоро меня начнут в него заталкивать. К сожалению, изменение умственной концентрации привело к пропаже звука в моей «камере». А потом и картинка исчезла: глаза нагло закрылись. Подозреваю, что моё тело захватили микробы-паразиты и управляют им не просто безалаберно, а назло мне.

«Кстати, а мысль весьма интересна, – рассуждал я, ворочаясь в полной темноте без связи с наружным миром. – Может, это и не микробы, и никакие не паразиты, а просто расщепление личности? И каждая личность живёт сама по себе,

не в силах наладить контакт с остальными. Как же им помочь воссоединиться? Но фиг с ними, с паразитами, меня сейчас больше волновали сведения о предстоящем мне методе лечения, – что они там плели про простейшие игры?»

В самом деле – актуальный вопрос. Такие развлечения, как «Тетрис», есть сейчас в каждом телефоне, и балуются ими чуть ли не с младенчества. По племянникам знаю. Это в годы моего детства считалось престижным занять диск с последней версией «ВарКрафта», а потом торчать ночь, а то и две у компа, пытаясь добиться наивысших достижений. Некоторые азартные типы на месяцы «зависали», а то и на годы. Благо ещё, что меня эти игры надолго в свои сети не затягивали: отведу душу, наиграюсь день-два, а через неделю вообще удаляю. Уже от одного вида старых игр подкатывает тошнота. А уж те типчики, которые поехали мозгами на обсуждении вымышленных вселенных, собственной прокачки и несуразного шмота, вызывали у меня полное презрение. Придурки, которым больше заняться нечем.

Но бог с ними, с убогими! Как бы самому вскоре не стать сродни им. Даже принимая во внимание утверждения лечащих врачей, я не могу понять, чем может помочь «Тетрис»? Неужели надо стать двинутым на всю голову и сутками не отрываться от экрана? Начинаю вспоминать, что представляет собой «Тетрис» и как долго я с ним вообще проводил время. Суть укладки разных геометрических фигур – помню. А вот чтобы я хоть раз больше часа над ними просидел – такого не

припомню. Плохо? Наверное...

Но не суть важно. Хуже, что в моем состоянии я толком ничего не смогу сделать с игровой панелью, с джойстиком или что мне там ещё попытаются сунуть в руки. Один только слух пока работает терпимо, да и то не всегда. Поэтому я с прискорбием понимаю: вряд ли такая метода поможет моему излечению. По крайней мере, в её начальной стадии. Пребывание в коконе, наоборот, меня сильно интригует. Вдруг кокон поможет соединить мои расщепленные личности в единое целое? Недаром ведь санитар утверждал, что именно для таких, как я, пострадавших после катастрофы или нервного стресса, новая методика и разрабатывалась. Мы люди взрослые, целостно сформировавшиеся, над нами любые эксперименты можно проводить. По крайней мере, за себя могу ручаться, потому что хуже, чем есть, мне всё равно не станет.

Чёртова авария...

Я смутно помню, что тогда произошло. Хаотичные ощущения накладываются друг на друга, искажая целостное восприятие всего происшествия. Но я чётко помню два момента. Первый: когда не удаётся повернуть руль и машина вылетает с полосы навстречу грузовику с трейлером. Второй момент ещё страшнее: кто-то сзади начинает меня душить, удавкой притягивая мою шею к подголовнику. Я выворачивался, пытаюсь рассмотреть своего убийцу в салонном зеркале заднего вида, но только бесполезно бил кулаком воздух. А потом – удар автомобиля в ограждение, и свет начинает

вращаться вместе с кувыркающей машиной.

После этого следовал долгий провал в сознании, судорожные попытки открыть глаза и как-то сориентироваться в доносящейся неразберихе звуков. А жутким апофеозом всему случившемуся стали мои глаза, открывшиеся совсем не по моей воле...

Теперь остаётся лежать, собирать утерянные чувства в кучку, ждать прихода родителей или сестричек и мечтать о действенности новой методы моего излечения. Если это поможет, то я готов не только в «Тетрис» поиграть, но и куклы среди кубиков рассаживать.

Глава 2

Руки-крюки

Время в моем состоянии проходит неосознанно. Вроде только что рассуждал о кубиках для кукол, и тут вдруг свет в моём окошке. И опять помимо моей воли.

Глаза мне открыли. Пальцами! Вначале один, потом второй. А они равнодушно уставились в потолок. Зато мне удалось немного осмотреться, и я всеми силами старался сдерживать рвущуюся из меня радость. Ибо чревато. Уже было такое: захотел улыбнуться – и напугал мать жутким воем. А тут не одна она. Половина нашего семейства с ней пришло! Поэтому лежу, как мышка после удара веником, смотрю в две дырки собственных глаз и стараюсь расслабиться для адекватного прослушивания разговора.

– ...физическое состояние у него превосходное, – заверяет врач, подсвечивая мне в зрачки маленьким фонариком. – После последнего инцидента все лопнувшие капилляры восстановились. Как видите, белок совершенно чист и нормален.

Это главврач, Аристарх Александрович. Он всегда подобным образом издевается над моим зрением. Так что я его хорошо запомнил, на всю жизнь. Приду в себя – тоже привяжу к кровати и буду с умным видом слепить фонариком.

Из-за плеча главврача показывается встревоженное лицо матери. Я не могу смотреть прямо на неё, но углубившиеся складки на лице и новые морщинки стали слишком заметны. И подрагивающие бледные губы говорят о многом. Да уж, мама, прости меня, натерпелась ты от моих лихачеств. Жаль, что понимаю это лишь сейчас, в таком вот отвратительном, постыдном состоянии.

С другой стороны стоят обе старшие сестрички. Средняя, моя самая любимая, старше меня всего на год. К ней прильнула старшая, тоже любимая, но не так... У нас разница в четыре года. Когда я был маленький, она изрядно попила крови, докладывая родителям о моих проделках и малейшем непослушании. Сейчас-то я понимаю, что она права во всём и тоже меня любит. Но какие у нас были ссоры в периоды моей юности и отрочества!

За самой старшей возвышается её муж. Не пойму, с какой стати я его раньше недолюбливал, но сейчас и его улыбающейся роже рад. Нормальный в принципе мужик, а трое его сыновей для меня как родные. Отличные детишки получились, гордость всей семьи. Да и вообще у меня с племянниками – чудеса, средняя сестра четверых имеет, и тоже все мальчишки.

Хорошо хоть младшенькая сестрёнка постаралась: за несколько дней до моей аварии родила девочку. Наверняка её уже утомили лаской и чрезмерным вниманием, а уж как я хотел бы взглянуть на крошку – словами не передать.

Чёрт! Я понял, что потерял над собой контроль. Все, включая доктора, с опаской от меня отпрянули. Кажется, приятные эмоции заставили тело дёргаться совершенно неадекватно. Проклятье! Ещё и глаза, сволочи, закрылись! Ох, и доберусь же я до вас, зенки поганые! Лично выковыряю!

«Успокоиться! – командуя сам себе, опять улавливая знакомые голоса, и мысленно цепляюсь за их звучание, как за спасительную соломинку. – Слушать! Слушать!»

– ...у него временное, – менторским тоном вещает врач. – Он сейчас под воздействием успокоительных препаратов, так что вспышки агрессии можно не опасаться.

– Ну, а как я ему вручу игрушку? – недоумевает мать. – Точнее, этот, как его... джойстик? Он же меня не слышит, не видит, да и пальцы его вроде не слушаются.

Хочется выкрикнуть: слышу, мамуля! А вот с пальцами в самом деле беда.

– Ничего страшного, – продолжает док. – Сейчас у нас только первые попытки примерки к осязательным рецепторам Максима-Адриано. Основные попытки будем делать завтра, уже непосредственно в игровой комнате. Там мы ему и глаза откроем, и на экран заставим взглянуть. Попытаемся пробудить, так сказать, его подсознательные порывы к мышечному мышлению. Ведь именно так действуют игроки на полях сражения или в рыцарских турнирах. Глаза ещё только видят, а пальцы рук уже выполняют определённые действия.

Ну... пробуйте... Смелей!

Естественно, что я ничего не почувствовал. Хотя прекрасно слышал, как мать уговаривает меня сжать ладонь или согнуть хотя бы один палец. Если честно, то я и не пытался пробовать – настолько успел испугаться собственного тела за последнее время. Я сейчас сожму палец, но вместо этого задёргаюсь в конвульсиях. Или заору, словно меня режут. Не хватало ещё и сестёр напугать.

Возились они долго, но безуспешно. Наверное, легче было деревянную швабру обучить нужной ухватке, чем мои непослушные ладони.

Зато средняя сестра вдруг проявила присущую ей с детства смекалку. Ну ещё бы, она меня больше всех защищала, прикрывала и мастерски, с невероятной фантазией выгорала! Вот она и попросила главврача:

– Аристарх Александрович, а можно ему ещё раз глаза открыть? – Тот задумчиво хмыкнул, но просьбу выполнил. А я с жадностью приник к открывшимся окошкам, за которыми улыбалось личико Вероники. – Маси, ты меня слышишь? – она произнесла имя, которым называла в раннем детстве, когда сама только училась говорить. – Маси! Это я, Ника! – О! Тоже детское имя, от которого мне стало так тепло и хорошо на душе. – Маси! У тебя в правой ладони джойстик, хватайся за него. Ну!.. Слабак, ты всё равно у меня не выиграешь! Я лучше тебя играю!

Я хотел улыбнуться на эту неудачную, но такую милую

попытку, да вовремя вспомнил о непослушном теле и улыбнулся только мысленно. Но слова ахнувшей матери шокировали меня:

– Он сжал! Он сжал игрушку! Он нас слышит!..

Неужели?! Уф! Хотя что-то сдвигается в сторону выздоровления!

Тьфу ты! Опять эти непослушные глаза закрылись! Но доктор уже и сам проявил инициативу: открыл мне глаза, и я снова мог видеть склонённые ко мне родные лица. Почти все улыбаются, радуются, хотя я хорошо себе представляю, какое чудовище, обезображенное шрамами и ожогами, они перед собой видят. Наслушался от санитаров и врачей о своей внешности. Почему «почти»? Да, зятёк, муж старшей сестры, улыбаться перестал. Смотрит на меня, словно на ожившего покойника. Ничего, братан, ты меня ещё плохо знаешь! Из любого дерьма выкарабкаюсь, из любой пропасти выползу! Только дайте мне за что зацепиться. Даже если это будет детская игрушка.

– Ой! – восклицание Вероники следует за отчётливым хрустом. – Он раздавил джойстик! И порезался... Маси, успокойся! Ты всё равно выиграл! Молодец!

Ёлки-палки! Опять я не так двинулся! Хотя даже трудно представить, как надо сжать пластиковую рукоятку, чтобы она раскрошилась или лопнула. Перестарался. А вот сестрёнка, как всегда, умница. Вся в меня! Э-э-э... вернее, это я в неё. Если вылечусь и выйду из дурки на своих двоих, лю-

бые её прихоти и желания исполню. Правда, я и так её всегда больше других баловал, вызывая ревность остальных сестёр. Да и мать всегда ворчала...

А сейчас было бы здорово просто обнять мою защитницу и крепко-крепко поцеловать!

Ну что я за debil?! Видимо, желание переросло в действие, и я задёргался. Вдобавок услышал мой собственный дикий рёв взбешенного носорога, из-за которого от меня отпрянули все, даже побледневший Аристарх Александрович. Видимо, и профессионал сомневается в успокоительных лекарствах, которые мне вводятся. Вероника тоже побледнела, испугалась не меньше остальных. А вот зятёк вновь тупо улыбается. Ну что за харя противная? Чему, спрашивается, радуется? Что-то он мне снова разонравился.

Хорошо, что доктор не растерялся:

– Мне кажется, у него пошла положительная реакция от встречи. Наверняка он вас узнал, просто его связи по управлению телом разрушены, вот и получается не та реакция, которую мы ждали...

А он и в самом деле профи! Ему тоже от моих щедрот достанется, пусть только на ноги меня поставит.

– ...поэтому приходите завтра, только на полтора часа раньше. Будем пробовать то же самое, но уже непосредственно в игровой комнате. Договорились?

Мои родственники ни о чём с ним не договаривались, но покорно кивают. Они придут. Я их люблю, и они меня лю-

бят, так что любые дела в сторону отбросят. Удивляюсь, почему отца рядом нет. Наверное, чтобы не толкаться среди женщин и не торчать на заднем плане, как наш недоделанный зятёк. Он, конечно, ещё тот тиран и диктатор, но своих близких никогда в обиду не даст. При всех нагрузках и обязательствах, что он взваливал на своих детей, отец всегда предоставлял нам полную свободу действий. Даже гордился моими командировками в районы боевых действий. Хоть и скрывал эту гордость за руганью и едким сарказмом в адрес всех «тупоголовых солдафонов».

Почему-то я уверен, что завтра отец постарается присутствовать. Да и средства на дорогостоящую методику он наверняка выделил из оборота своего бизнеса. Тоже своего рода аванс именно мне, который придётся возвращать, хочу я этого или нет. Вроде и семейное добро, но тут уж я сам в подобных вопросах щепетилен до крайности. Больше всего на свете не люблю быть кому-то обязан или должен. А отцу – тем более. Вот такой у меня пунктик.

Я опечалился: если бы только этот пунктик мешал моему существованию, я бы, наверное, был счастлив. Только оказавшись в таком страшном положении, понимаешь, какое это счастье – двигаться, видеть, слышать и просто общаться.

Когда моё семейство уже покидало палату, мне удалось услышать подрагивающий голос мамы:

- А эти шрамы на лице – можно их будет удалить?
- О-о, Анастасия Витальевна! При современной пласти-

ческой хирургии – вопрос пустяковый. Дело времени... и средств.

– Так почему бы сразу не начать?

– Нельзя. Только после выздоровления. Иначе вся работа хирургов может пойти наперекос после восстановления мимического управления лицом. Врачам вначале следует определить, какие мышцы остались целыми и как они взаимодействуют между собой, а уже потом постепенно исправлять повреждения.

Голоса стихли. Глаза не закрывались, и я остался в полном одиночестве. Но поразмышлять о моей тяжкой участи мне дали недолго. Вернулся главврач. Приблизил своё лицо почти вплотную к моему, приготовил свой противный фонарик, но не стал им светить, а, чётко произнося слова, заговорил... со мной:

– Максим! Мне показалось, что ты и в самом деле слышишь. Вполне возможно, что понимаешь всё услышанное, но даже моргнуть самостоятельно не можешь. Все твои движения – бессистемные и непостоянные, и я не знаю, что именно ты ощущаешь. Давай мы с тобой попробуем нечто иное. Если ты меня слышишь, сосредоточься на попытках совершить только одно движение. А я буду наблюдать за всем твоим телом и присматриваться к левому зрачку. Ещё мне показалось, что тебе не нравится, когда я свечу прямо на глазное яблоко... Итак, приступим. На счёт «три» ты совершаешь лёгкое, но одно и то же движение. Допустим, по-

попробуй шевельнуть подбородком. Начали: раз, два, три...

Я попробовал. И тут же понял, что у меня двигается никак не подбородок. А доктор подтвердил:

– Такое впечатление, что ты передёрнул плечами. Словно от озноба. Пробуем повторно...

Он раз за разом считал до трёх, а я с максимальной сосредоточенностью пробовал шевелить нижней челюстью. Судя по репликам Аристарха Александровича, дела у нас шли ни шатко ни валко, и наметившийся прогресс трудно было назвать таковым. На пятьдесят моих попыток только двенадцать раз дёрнулись плечи. В иных случаях либо вообще ничего не происходило, либо дёргалась или напрягалась другая часть моего непослушного тела.

Но как ни странно, такие результаты привели профессионала в восторг:

– Максим! И даже пусть будет Адриано! – он всегда относился к моему двойному имени с юмором. – А ведь это – прорыв! – восклицал он. – Ты меня, чертяка, слышишь, а возможно, и видишь! Ха-ха! Это же шикарно! Потрясающе! Двадцать положительных ответов из пятидесяти возможных – это говорит о многом. Да, да, именно двадцать. Надо суммировать все, не удивляйся... О! Давай теперь точно так же проверять, видишь ли ты меня... Только вместо счёта «три» я буду просто приближать к твоему лицу левую ладонь. Опять-таки, ты стараешься шевелить только подбородком. Поехали...

Я старался, как мог. Даже возникло ощущение, что я изрядно вспотел от перенапряжения. Правда вспотел не телом, которое так и оставалось чужим, а сознанием, заточенным в эту тюрьму из плоти. Но зато и прогресс оказался налицо: тринадцать раз дёрнулись плечи, иные конечности дёрнулись пять раз и шесть раз напрягались мышцы живота, груди, шеи или плеч. Итог: двадцать четыре по сравнению с двадцатью предыдущими.

Главврач чуть не пел от радости и ужасно расстроился лишь после того, как мои глаза нахально закрылись в пятый раз.

– Всё ясно, ты очень устал, и твоё тело желает полного покоя. Так что отдыхай, набирайся сил и морально готовься к игровой палате. Уверен, тебе понравится. Ну, а твоим родным я пока ничего о наших экспериментах говорить не буду. Сам понимаешь, они подобные результаты только на смех поднимут, и я запарюсь им доказывать, что это позитивные сдвиги в лечении. Вот когда будут уже явные результаты, я им покажу все записи, куда внесу и сегодняшние достижения. Кстати, вечером я вновь к тебе наведу на часик, и мы опять потренируем твою моторику управления телом. И с утра часик поработаем... Так что не дрейфь, Максимка! Прорвёмся!

Да я и не дрейфил. Только раздражённо фыркал и готов был ругаться. Жутко не люблю, когда меня Максимкой называют. Могу и в морду заехать в порыве злости. Были слу-

чаи, доставалось некоторым... Особенно после того, как они не вняли моим предупреждениям.

Я не боялся. И в нирвану блаженного сна проваливался уже в довольно оптимистическом настроении. Что ни говори, а поправки в моем состоянии, пусть даже и минимальные, намечались в лучшую сторону.

Глава 3

Первые пробы

Господин Синицын действительно не пожалел нескольких часов своего личного времени, чтобы поздним вечером и ранним утром продолжить эксперименты с уникальным пациентом. Хотя назвать случай уникальным было бы неверно. Случаев, когда не владеющие своим телом, почти бесчувственные коматозники превращались в опасных буйных психов, в истории медицины хватало. Но вот самому Аристарху Александровичу подобное встречалось впервые. И самое главное, чему он несказанно обрадовался как профессионал, это наметившиеся первые контакты между ним и Максимом-Адриано. По всему выходило, что пациент может видеть и слышать происходящее вокруг него, а при помощи особо близких родственников ещё и совершать правильные действия.

Сомнений в результатах или подозрений, что это банальные случайности, у главврача клиники не было. Хотя и кричать на весь мир о явном успехе он не торопился. Победила свойственная опытному человеку предусмотрительность. Во-первых, не хотелось стать посмешищем среди коллег, если успехи окажутся временными и пациенту станет хуже, а то и вообще, не дай бог, преставится. При таких поврежде-

ниях тело могло умереть в любую минуту по самым тривиальным причинам. Хотя бы из-за того, что пациент мог просто «забыть» о дыхании. Если внутривенно ещё можно кормить человека, то заставить дышать – невероятно сложно. Да и ситуация, в которой доминировала тенденция пострадавшего тела к деградации, могла в любой момент измениться в худшую сторону.

Тренировки поздним вечером и ранним утром показывали, что пациент уверенно, на единицу, а то и две увеличивал положительные результаты тестов. Итоги подскочили до сорока единиц адекватной реакции, хотя и количество проводимых тестов увеличили до шестидесяти. Теперь уже и самый заядлый скептик поверил бы, что больной слышит, видит и пытается контактировать с врачом.

Несмотря на явные успехи, Аристарх Александрович не торопился обнадеживать родных, а всю силу своего убеждения изливал на самого Максима-Адриано, нависнув над ним в конце утреннего занятия:

– Постарайся расслабиться полностью, когда увидишь перед глазами изображение «Тетриса». Думай только о том, что сейчас будешь соревноваться с Вероникой и тебе необходимо уложить фигуры как можно быстрее и правильнее. Вспомни именно ту детскую атмосферу счастливого соперничества между вами, то состояние духа и умиротворения... Я знаю и верю – ты справишься. Ну и не забывай: спешить тебе некуда, а расстраиваться из-за неудач – вообще нельзя.

Если у тебя что-то не получается десять раз – не отчаивайся, мы постараемся тебе помогать сотни, тысячи, миллионы раз. Осознал? Ага, вижу, что осознал... Ну ладно, отдыхай.

В назначенное время прибыло почти всё семейство Ланфер. Даже Сергей Вадимович нарисовался в операторской, чтобы понаблюдать, как и куда будут водружать его сына. Только младшую дочь, которая нянчила новорождённую малютку, с собой не взяли. По словам матери, она тоже рвалась взглянуть на брата, обещая, что нисколько не испугается жутких шрамов.

Ну и зятя, мужа старшей дочери, всегда сопровождавшего свою супругу, сегодня не было. «Трудится в поте лица на благо семьи!» – заявил о нём господин Ланфер-старший.

Ложе, на котором закрепили пациента, напоминало стоматологическое кресло, но с весьма мягким, удобным покрытием. На таком можно было блаженствовать часами, не опасаясь отёков или пролежней. Джойстик находился под правой рукой, хотя и под левой имелось место для установки второго. Естественно, что синхронизация управления обеими руками предполагалась гораздо позже, после прохождения простейших игр с положительными результатами.

Точно так же в будущем намеревались использовать и специальный кокон для игрока, в котором создавалось максимально возможное для нынешней техники слияние с реальностями вымышленных вселенных. По уверениям создателей кокона, ощущения в нём кажутся реальными настолько,

что люди обоих полов испытывают оргазм при сексуальном контакте, ощущают изысканный вкус блюд, пьянеют от выпитого в виртуале алкоголя и воспринимают все возможные запахи. Болевой порог там фактически сведён к нулю, и даже при самой жуткой смерти игрового персонажа боль по силе соразмеряется разве что с пощёчиной. Можно было бы убрать и эти неприятные ощущения, но разработчики уверяли, что боль, как дополнительный стимул для выживания, обязательна. Иначе сильно занижается достоверность ощущений и падает интерес к игре.

«Кокон будущего», как значился он в технологической документации, стоил невероятных денег. Поэтому его розничная продажа планировалась не ранее чем через пять лет. Это время разработчики собирались употребить для усовершенствования своего детища и создания игр с тщательно продуманными мирами. Если продажи и проводились, то для экспериментального тестирования на людях с разными психическими расстройствами. Два устройства уже действовали в клиниках Лозанны и Торонто, где были первые положительные результаты, которые, к сожалению, мировые светила психиатрии пока полностью игнорировали.

Аристарх Александрович Синицын в том самом списке мировых светил скромно топтался где-то во второй полусотне, если не дальше. Но причиной этого не являлась некомпетентность, ею было почти полное замалчивание собственных успехов. Он не любил шумных и пышных съездов коллег, га-

зетных хвалебных публикаций, мелькания на телевизионных экранах и жарких диспутов. Он любил две вещи: свою работу и деньги. Причём именно в такой последовательности, никогда не ставя меркантильность впереди локомотива своей жизни – призвания врача. Синицын всегда качественно и результативно лечил и только потом не стеснялся содрать за свои услуги соответственную, порой драконовскую плату.

На кичащихся своей значимостью коллег он смотрел прагматично: прислушивался, изучал, анализировал, делал выводы, а лучшее брал на вооружение, моментально внедряя в собственной клинике. Но и совесть у него имелась. И теперь, перед началом первого эксперимента, она его изрядно мучила. Если бы положительный контакт с Максимом-Адриано произошёл ещё до памятного разговора с его отцом, заговорить о покупке невероятно дорогостоящей игровой комнаты главврач бы себе не позволил. Что-то подсказывало ему, что сейчас вернуть пациента в реальный мир можно и без виртуальных игр с эффектом исцеления. Долго, невероятно долго и кропотливо, но можно.

Именно по этой причине он и не решился признаться семейству Ланфер, что улучшения им замечены без пресловутого джойстика. Гораздо правильнее было бы приписать положительные сдвиги именно «Тетрису», как в последние дни все стали дружно именовать палату виртуально-игровой терапии, иначе Сергей Вадимович Ланфер мог пожалеть о вложении в его идею столь баснословных средств. А когда

он о чём-то жалеет – его реакция непредсказуема. Подобные ему люди не обижаются, они – огорчаются. После огорчений Сергей Вадимович может напиться, а может и разозлиться. Но до злости его доводить не стоит, иначе и знакомство со школьной скамьи не поможет.

«Ну, это я уже перестраховываюсь, – успокаивал сам себя господин Синицын. – Даже если Максимка вернёт себе полное сознание и расскажет отцу о сроках нашего первого с ним контакта, всё равно первый шаг на этой нелёгкой дороге был сделан после вручения ему джойстика. То есть игровая тактика изначально оказалась верной и результативной. И буду надеяться, что и сам «Тетрис» окажет грандиозное влияние на выздоровление парня... – Он мысленно улыбнулся. – Ха! Всё-то я его парнем называю! Мужика на пятом десятке, с боевым опытом и тремя высшими образованиями. А почему? Наверное, потому, что он никак не женится, детей не имеет, живёт только сегодняшним днём... Ещё бы не забывать про его недовольство уменьшительным произношением имени. «Максимка» – ему очень не нравится. А я вчера на радостях проболтался... Даже Анастасия меня по этому поводу предупреждала... мол, не считай его мальчишкой, он уже давно не ребёнок. И про имя напоминала».

В оборудованной палате главврач разрешил остаться только средней сестре семейства и даже мать попросил удалиться:

– Анастасия Витальевна, лучше наблюдай из оператор-

ской. Лишнее расслоение внимания твоему сыну помешает, а с его настройкой на определённые действия мы с Вероникой и сами справимся.

Та, конечно же, хотела возмутиться и настоять на своём присутствии, но тут вмешалась старшая дочь, попросту ухватив мать за руку и настойчиво утянув за собой к выходу. Ещё и наущения на ходу шептала весьма строгим тоном.

Оставшись наедине с больным, специалист и родственница уселись в удобные кресла с двух сторон изголовья, а само ложе высоко подняли автоматикой. Теперь можно было не наклоняясь говорить на ухо Максима-Адриано что следовало. Аристарх Александрович дал женщине последние инструкции:

– Твоё дело спокойно и терпеливо сообщать брату о правильной постановке ладони. Но берегись, чтобы он случайно твою руку не схватил. Иначе со своей неконтролируемой силой попросту поломаёт тебе пальчики.

Женщина понятливо кивала, с состраданием разглядывая лицо любимого брата:

– А вы что говорить будете?

– Постараюсь держать его глаза открытыми и всё время информировать одвигающихся частях тела. Это ему должно помочь вернуть управление над ними. И старайся не обращать внимания на экран. Первое время там будет одно и то же: падение первых трёх фигур.

– Но вдруг он нас не услышит?

– Хм... Ну, мы-то с тобой вдвоём уверены, что он нас слышит. Так что... начали.

Свет в помещении погас почти полностью, а с потолка опустился под определённым углом большой экран на жидких кристаллах. Появившееся на нём изображение медленно падающего вниз уголка, наверное, было знакомо каждому обитателю планеты Земля. Фигуру следовало просто сдвинуть в нижний левый угол экрана, чтобы укладывать в нужном положении последующие геометрические «болванки», более сложные по конфигурации и величине. Это был привычный «Тетрис», разве что падение происходило несколько медленнее, чем в обычной игре.

Деликатный шёпот попеременно раздавался у каждого уха недвижимого пациента:

– Джойстик у тебя вплотную к ладони. Большой палец на верхней кнопке...

– Расслабься... Сейчас ты пытаешься поднять голову...

– Сыграй со мной... Давай узнаем, кто из нас лучший...

– Левую ногу пытаешься согнуть в колене... Вернись назад... Вторая попытка...

– Помнишь, сколько раз ты у меня выигрывал? Забыл наверняка... Потому что я тебя всё время побеждала. Правда?..

– Ты уже пятый раз пытаешься закрыть глаза... Расслабься, вспомни детство...

Казалось, что после первых обнадеживающих результатов

не заставят себя ждать и последующие. При этом вчерашнее сжатие джойстика нельзя было считать удачным, оно могло оказаться рефлекторным. Но зато следующие проведённые Синицыным эксперименты настраивали его на преодоление любых трудностей. Но предположить, как долго эти трудности продлятся, он не мог.

Только через два часа ладонь Максима приняла правильное положение на джойстике. Но уголок на экране впервые дёрнулся в нужную, левую сторону лишь к началу четвёртого часа. Ещё минут через сорок падающие «болванки» стали под ликующий шёпот врача сдвигаться туда, куда им и следовало или куда требовал голос Вероники.

Это уже был феноменальный прорыв!

Дальнейший эксперимент был прерван следящей аппаратурой, которая под перемигивание лампочек и надрывный писк выдала запись: «Пациент крайне измучен. Нуждается в обильном питании и смене одежды». Только тогда Синицын обратил внимание, что больной на удивление сильно вспотел.

Когда экспериментаторы прекратили сеанс и с трудом поднялись со своих кресел, то сами чувствовали себя выжатыми, потными и уставшими. Даже чтобы порадоваться, сил не осталось.

Пока они разминались после долгого сидения, вместе с сёстрами и санитарями в «Тетрис» ворвалась старшая из сестёр Ланфер:

– Ну что?! У него получилось? – она выглядела уставшей не меньше главврача и сестры.

– Скажем так, начало получаться, – сделал осторожный вывод Аристарх Александрович. – А разве в операторской не было видно итогов?

– Ой, я в них не очень разбираюсь. Этот ваш зам-швейцарец тараторил о какой-то коморбидности⁴, катамнезе⁵, рефлекторной иннервации и прочей белиберде. Похоже, он только на латыни разговаривает. Но вы мне русским языком скажите: есть улучшения?

– Про улучшения говорить рано, а вот первые позитивные результаты – имеются. Пусть и скромные... А где...

– Мать ещё на втором часу не выдержала ожидания, жутко разнервничалась, и отец её домой увёз, – уже убегая из палаты, доложила женщина. – Сейчас я им позвоню, обрадую...

Подхватив Веронику под руку, Синицын тоже двинулся к выходу:

– Теперь, красавица, всё зависит от тебя и твоего свободного времени. Я, конечно, и сам буду уделять твоему брату

---

⁴ К о м о р б и д н о с т ь (лат. со – вместе, morbus – болезнь) – это наличие дополнительной клинической картины, которая уже существует или может появиться самостоятельно, помимо текущего заболевания, и всегда отличается от него.

⁵ К а т а м н е з (от др.-греч. ката – приставка, здесь обозначающая завершение действия, и μνημονεύω – вспоминаю) – вся медицинская информация о пациенте, собираемая однократно или многократно по окончании первичного наблюдения над ним.

всё возможное время, но и твоё присутствие, как ты понимаешь, необходимо ежедневно. Хотя бы первую неделю. На какие часы я могу рассчитывать и в какой период суток?

Женщина думала недолго:

– Постараюсь уже сегодня решить эти вопросы с заместителем и помощниками. Вы ведь знаете, как у меня...

– Конечно, знаю. Потому и отношусь с пониманием.

– Скорей всего, завтра после обеда смогу опять здесь появиться часа на четыре или пять. Тогда и окончательное расписание составим. Мне кажется, что в утренние часы будет сложно вырваться, а вот с одиннадцати до трёх... подойдёт? – Вероника улыбнулась и вопросительно посмотрела Синицыну в глаза.

– Отлично! Уже начинаю ориентироваться на это время. И будем надеяться, что улучшения дойдут до такой степени, что твоё постоянное присутствие не понадобится уже в скором времени.

– Тогда я убегаю. – Женщина ринулась по коридору в сторону говорящей по телефону сестры. – А то мои четверо сорванцов без моего присутствия весь дом вверх тормашками перевернут.

Как мать четверых детей, да ещё и финансовый директор одного из крупнейших банков – Вероника была чрезвычайно занята. Времени всегда катастрофически не хватало, но сегодня ей на удивление долго удалось посидеть с братом. Такая дополнительная нагрузка в течение недели наверняка

вынудит отменить множество деловых встреч, в том числе и семейных. А в последующие дни Вероника планировала пожертвовать даже своими обеденными перерывами.

«Сергей мне не простит вынужденную диету средней дочери, – размышлял Синицын, переходя в операторскую. – Поэтому надо на завтра заказать обед, чтобы мы могли подкрепиться прямо во время процесса игротерапии. Думаю, это общему порядку лечения не помешает».

В соседней комнате, куда сводились все сведения о состоянии Максима и показания датчиков, у экранов наблюдения восседал чернявый швейцарец, в роговых очках явно ему не по возрасту. Этот раритет прошлого века его старил лет на пятнадцать, делая чуть ли не сверстником главврача. Освальд, по основной специальности врач-психиатр, был своеобразным придатком к купленному «Тетрису». Этакий наладчик-инструктор в одном лице, плохо говорящий по-русски, зато свободно изъясняющийся на английском, немецком и французском.

Сам Аристарх Александрович в совершенстве владел только английским, но при этом неплохо разбирался в специальной терминологии коллег из Германии и Франции. Латынь – она везде латынь. И в общении коллеги не испытывали трудностей, сразу переходя к делу без долгих прелюдий о настроении или погоде.

– Статистика рецепторных движений, которые всё больше и больше подпадают под контроль сознания – явно позитив-

ная! – с ходу порадовал Освальд итогами работы аппаратуры. – Если так и дальше пойдёт, мы с вами вскоре станем академиками!

– Не в мантии академика счастье, – тут же осадил швейцарца Сеницын. – А в скорости излечения. А она – слишком мала. Думаю, что надо ускорить, усложнить визуальные образы первой игры, и как можно быстрее переходить к сложным вариантам.

– Да вы что?! Подобное недопустимо! – задёргался коллега из Западной Европы. – Пока пациент не станет на автомате складывать как нужно первые три фигуры – ни о каком усложнении не может быть и речи.

– Не обязательно... Тем более что у нас, русских, вообще несколько иная восприимчивость к сложностям, а у данного пациента – в особенности. Чем быстрее мы его загрузим по максимуму, тем скорее он вернётся к полноценному владению собственным телом.

– Нет, нет и нет! – горячился Освальд. – Вы же сами читали инструкции. Пока не выполнена досконально первая фаза – ни в коем случае нельзя переходить ко второй. Иначе происходит коллапс подаваемых через зрительные рецепторы образов, и вместо излечения мы получим окончательное и бесповоротное сумасшествие. В канадской палате виртуально-игровой терапии уже был такой случай, я же вам рассказывал. Неужели забыли?

– Помню. Но в то же время не стоит забывать, что пациен-

ты у нас, как и симптомы заболеваний, совершенно разные. В Торонто больной перенёс психологический стресс после продолжительного приёма наркотиков. Здесь же – автокатастрофа. А это совсем разные вещи.

– А вот и нет! Метод наших учёных цельный и един в применении ко всем. Иного толкования или перенастроек не предполагает.

– Не соглашусь категорически! – перешёл на несколько повышенный тон Аристарх Александрович. – Да вы и сами прекрасно понимаете, что нельзя одно и тоже лекарство в одинаковых дозах вводить всем больным без разбора!

Спор только разгорался, а главврач уже для себя всё решил и продумал:

«Этого очкарика не переспоришь. Будет до посинения доказывать, что метод менять нельзя, иначе случится грубое нарушение договора. Кажется, они специально сюда такого фанатика прислали, ортодокса от психиатрии. Как он вообще к новому относится без презрения? А, ну да! Это же они сами изобрели и создали... Поэтому надо переходить на спокойный тон, делать вид, что согласен, а действовать самому. Точнее говоря, привлекать в помощь кого-то из наших. Ну а коллегу постараемся отправлять на длительную сиесту. Хм! Пусть отдыхает... расслабляется...»

Как ни препирался Освальд, а Максиму-Адриано уже сегодня вечером предстоял внеочередной, более сложный этап лечения. В своей правоте господин Сеницын был уверен на

девяносто восемь процентов. Два процента он, как любой нормальный врач-циник оставлял на непредвиденные обстоятельства.

Глава 4

Первый провал

Наверное, я всё-таки человек сильно впечатлительный и с огромным воображением. Хотя раньше за собой особой фантазии не замечал. Но как ещё можно классифицировать нахлынувшие видения, которые буквально обрушились на меня во время второго сеанса в палате виртуально-игровой терапии?

Вначале всё проходило штатно, если сравнивать с первым сеансом в присутствии Вероники. Пусть на последнем издыхании, но я как-то сумел совладать с непослушной рукой, и элементы «Тетриса» стали сдвигаться в нужную сторону. Точнее говоря, это не я совладал, а само тело вспомнило о рефлексах. Я попросту расслабился, перестал дёргать после первого удачного движения (почему-то уверен, что оно оказалось случайным) и только слушал да подсматривал. Ага! Ещё и совершенно неуместно веселился в том изолированном для семи остальных чувств пространстве.

Меня всё устраивало, веселило и обнадеживало.

Положение изменилось на втором часу сеанса, как я понял, уже поздним вечером. Вообще-то перед началом я чувствовал себя выпавшимся, сытым и, простите за неуместное упоминание, облегчившимся. Ну так мне, по крайней мере,

казалось. Даже вздремнуть решил, утомлённый полной темнотой.

Вот тут наш главный эскулап и прибежал. Зенки мне аккуратно открыл, потёр в предвкушении ладонями и заявил:

– Хватит прохлаждаться, Максим-Адриано свет Сергеевич! – Надо же, как узнал, что я всё слышу, сразу на нормальное имя, да ещё и с отчеством, перешёл. – Будем увеличивать нагрузки и развивать скорость восприятия! И сейчас, и ранним утром. Добавочные упражнения тебе пойдут на пользу.

А мне-то что? Надо – значит, надо. Это же не вагоны разгружать и не с пулемётом бегать по пересечённой местности. Лежу себе где-то там, внутри собственной вселенной, посмеиваюсь и, нисколько не напрягаясь, наблюдаю. Потому что ещё по первому сеансу «Тетриса» понял: чем меньше дёргаюсь, тем лучше в итоге получается.

Судя по доносящемуся голосу дока, моя рука вполне уверенно и быстро (всего-то через четверть часа!) нащупала джойстик и вцепилась в него мёртвой хваткой. Ещё полчаса ушло на получение всё улучшающихся результатов с первыми тремя «болванками». А вот потом сложности пошли по нарастающей. Ускорилося падение фигурок, и они стали опускаться непрерывающимся (как и положено в игре) водопадом.

Хотел я того или не хотел, а разнервничался, потому что с такой простой игрой, не напрягаясь, справился бы любой

разумный человек. Кажется, моя племянница-грудничок и то лучше бы сыграла в эту элементарную «укладочку». Вот я и нервничал, выглядывая через дырки раскрытых глаз.

Ну, вот нормально же фигура развернулась! Целых два раза! Только и осталось, что сдвинуть чуть-чуть, всего на один шаг вправо. А вместо этого – фигура крутится третий раз! И подобной несуразицы и огрехов – пятьсот миллионов случаев. Как тут останешься спокойным?

Я кричал, в азарте пытаюсь перехватить управление... Да где там... Несколько раз обзывал самого себя криворуким и... э-э-э, ну, в общем, нехорошими словами, а толку – ноль. Разве что голос Аристарха Александровича до меня доходил постоянно. И уже из услышанного я понимал: моё тело – натуральный калейдоскоп. В какую сторону ни крутани, повторного результата не будет. Я и кричал, и пытался плевать, рычал, словно зверь, пробовал пиццать, а уж конечностями дёргал, словно лягушка под ударами тока. Но одно было неизменно, о чём док не ленился повторять:

– Рука джойстик не выпускает... и не ломает его. Пусть хаотично, неправильно, но всё-таки пытается синхронизироваться с игрой. Левая рука тоже что-то постоянно нащупывает... Попробуем завтра утром тебе в неё второй джойстик вложить...

Что мне не нравилось всё больше и больше, так это команды, отдаваемые эскулапом в операторскую комнату:

– Ускоряемся!

А меня он спросил? Экспериментатор хренов!

Я его понимал и в чём-то был согласен: чем сложнее задача, тем лучше при её решении взаимодействуют разум, сознание и подсознание. Нагрузки следовало повышать, но не до убийственной же степени? Дошло в какой-то момент до такой скорости падения «болванок», что они пошли сплошным потоком, чуть ли не сразу выстраиваясь пирамидой до самой верхней границы экрана. А что это, скажите мне, как не откровенное издевательство над беспомощным инвалидом? Как же мне захотелось в тот момент врезать от всей души этому доку, со всей силы приложить его чем-нибудь по его хитросделанной макушке! Ну, прямо вот схватил бы уголок на четыре сегмента, да и опустил бы его с богатырским уханьем на тыковку гения психиатрии!

Но тут произошло совершенно невероятное.

Наверное, злость и ярость что-то повредили в моей внутренней вселенной...

Только что я прыгал и бесновался в своей тюрьме, освещаемой игрой «Тетрис» через два окошка глаз, и вдруг взял и оказался прямо под опускающимися на голову «болванками». Пока я в диком недоумении пялился на ближайшую — она меня и придавила. Насмерть. Оказалось, что это очень больно. Я даже закричал от всплеска негативных эмоций. И тут же темень смерти сменилась ярким светом и видом новой опускающейся мне на голову геометрической фигуры. Я рефлекторно поднял над собой руки, оберегаясь от новой

боли, и крикнул от удивления: руками действовал отлично, а «болванка» вдруг отпрянула от меня, словно при ударе, и свалилась далеко в стороне. Пока я ошарашенно её осматривал, на меня свалилась третья штуковина «Тетриса». И убила повторно. Не успев даже вскрикнуть от боли, я вновь стоял живой на собственном надгробии...

В какой-то момент, показавшийся мне вечностью, моё сознание взяло тайм-аут.

Что же это такое в моей камере творится?! Кошмары бывают разные, это я усвоил по жизни. Какие ужасы ко мне только не приходили, но чтобы доходило до такого бредового сценария? Не припомню... Сразу согласился с утверждением, что засиживаться перед компьютером больше двух часов в сутки крайне вредно для психики. Врачи так говорят, да и сам, когда здоров был, в последние годы никогда ночами за игрушками не сидел. Следовательно, виной всему наш досточтимый, но скорей всего тоже изрядный псих, Аристарх Александрович. Ему втемяшилось в голову, что меня следует перенапрячь, чтобы я инстинктивно боролся за жизнь. Но вот с дозой дедуля явно перестарался. И если мне сейчас окончательно не сорвёт крышу от этих экспериментов, я ему потом точно челюсть сломаю! Как минимум... Пиявка он клистирная! Таблетка мухоморная. Резинка проктологическая!..

Ругаясь такими и даже худшими словами, я открыл глаза, взглянул вверх и... отпрыгнул в сторону. Удачно! Остался

живой, не отправился на новый круг перерождения, но теперь в шоке наблюдал за очередной фигурой. Она вроде бы должна была упасть на предыдущую, но – вротенборген! – как говорил в минуты ярости мой строевой сержант – падала прямо на меня. В последний момент я прыгнул чуть правее, и вроде успел... Но не тут-то было! Она тоже «успела» сдвинуться вместе со мной! Результат – уже третья смерть. И я снова открыл глаза на новом надгробном постаменте.

И как прикажете это понимать? Тем более что рассуждать некогда, вот-вот рухнет на голову очередная фигурная плита из тяжеленного мрамора. А мрамор ли это? Вспомнил, как непроизвольно, но зато легко отбил руками одну из предыдущих «болванок». Почему бы не попробовать тот же трюк? Поскольку умирать больно, неприятно, да и неохота. И я резко вскинул руки над собой.

Удар, и тяжеленная на вид фигура улетает в сторону, словно сделанная из легчайшего пенопласта. Падает на чистый участок пола, где-то там, рядом с первой отброшенной, угловатой и толстенной плитой.

Ха! Да я крут как Терминатор! И, похоже, умственно свихнулся до такой степени, что воссоздал мелькающие на экране двухмерные образы во внутренней вселенной. Хорошо это? Или окончательный трындец? Без пол-литра не разобраться. Только где их взять в это позднее для психов время? Значит, надо действовать. Пока не побарахтаюсь – не скумекаю, что за безобразия вокруг меня творятся.

Отбил очередной элемент укладки, а сам прыгнул на пустое пока пространство пола. Хорошо хоть разогнаться негде было. На лбу чувствовалась шишка, а по спине словно кто-то лопатой совковой огрел. Стены! С обеих сторон «Тетриса» прозрачные непробиваемые стены! Вывод? Надо попробовать выбраться через верхний край прозрачного аквариума.

Мужик сказал – ему же и делать. И вопрос не стоит, по центру или с края. Только с края. Тут же принялся лихо отталкивать падающие «надгробия» в сторону, сооружая там нечто в виде перекошенной башни. Вот только чем выше взбирался, тем ближе над головой зависали очередные «болванки». Появлялись они ровно по центру «Тетриса», но ментально смещались, оказываясь аккурат над тем местом, где я находился. На последних укладках пришлось стараться изо всех сил и с максимально возможной для моего тела ловкостью. А когда оставалось уложить всего один сегмент до края, я разогнался и рыбкой попытался выскочить наружу из этого плоского аквариума.

Думаете, получилось? Полный фигвам! Так ударился головой о потолок, что, наверное, так бы и умер от сотрясения виртуального мозга. Да очередная «болванка» милостиво раздавила моё тоже явно виртуальное тело.

Очередное возрождение и – какая ирония, – я снова одиёшенек на чистом полу «Тетриса», а сверху неумолимо приближается очередная смертушка. «У вас есть план, мистер Фикс?» – всплыла откуда-то из подсознания фраза из дет-

ского мультика. И я решил прорываться по центру. Раз от туда что-то падает вниз, значит, дырка имеется. И уж я постараюсь в неё из этого игрушечного ада выскользнуть.

Не хочется повторять про мужика, который что-то там сказал. Сделать-то ему ничего не удалось... Прыгать и биться больной головушкой о свод, правда, не стал, а просто поднял руку, пощупал сплошной потолок и он тут же рухнул на голову, принося новую боль и короткое забвение.

Ну, нет! Так нечестно! Получается, что отсюда нет никакого выхода? Получается, мне здесь предстоит умирать бессчётное количество раз? Неужели в самом деле игровой ад? Тогда почему я в нём оказался? Ведь никогда с играми не усердствовал, рекомендации врачей выполнял, над лузерами и хакерами ехидно посмеивался и называл их полными недоумками. Или меня наказали за эти самые насмешки?

И умирать не хочется. Надоело почему-то. Пусть даже с постоянным возрождением. Поэтому ничего больше не оставалось, как – ей богу, смешно от собственного пафоса! – вступить в игру. Вдруг в обозримом финале получу приз? В том смысле, что меня пинком отправят в мою личную вселенную...

В первом раунде меня всё-таки придавило. Слишком много «окошек» в «Тетрисе» получилось, пока наловчился верными ударами разворачивать падающие фигуры и отправлять их в нужные мне места. Ну а потом – стало легко. Можно сказать, я просто развлекался, умудряясь накапли-

вать под собой не больше двух, максимум трёх слоёв «укладки». Они регулярно проседали, вызывая в неведомых глубинах звонок начисления очков, а я прыгал и радовался, что так отлично владею своим ловким, не устающим телом.

Жалко, нигде не просматривались часы или таймер. Но по личным ощущениям получалось, что я уже примерно часа два развлекаюсь. И хуже всего, что стала наваливаться усталость. То есть мой персонаж не всесильный? А вдруг и не вечный, и меня скоро опять начнут давить «надгробиями»? Нет, я так не играю! Так нечестно!

Только я успел возмутиться, как скорость падающих фигур удвоилась. И чуть ли не сразу – ещё больше возросла. Вот тогда и замаячил на горизонте размахивающий саблей японский городской, которого мой сержант тоже часто вспоминал...

И как бы я ни вертелся, словно каратист, отбрасывая фрагменты «Тетриса» в нужном направлении и под нужным углом, смертушка подкралась быстро и неумолимо. Да и усталость настолько сковала конечности, что сил не осталось даже вскрикивать от боли. Дошло до того, что раз пятнадцать я просто тупо умер, не сходя с места и не поднимая взгляд наверх.

И вдруг всё закончилось. Только голос подлого садиста-докторишки ворвался в сознание:

– Да ты молодец! Больше двух часов продержался! И под конец чуток тройное ускорение выдержал! Гип-гип ура! Ура!

Ура! Ура-а-а-а! – бесновался доктор и был в этот момент похож на психа намного больше своих пациентов...

Ух, как бы я ему сейчас врезал хуком с любой руки! А то и с двух одновременно!

«Чанга бригасса!» – сказал бы мой сержант. По его утверждениям, это грозное конголезийское проклятие, переданное шаманом в дар русскому воину. Хотя я всегда подозревал, что это очень, ну очень грязное ругательство... Вот пусть я только вылечусь! Пусть только послушные пальцы сознательно в кулак сожмутся! На своей шее почувствует, сadyoga, как я крепко джойстик держать научился!

Жаль, дальше ругаться не хватило сил. Уснул.

Глава 5

Противный лекаришко

Обещанного утра я ждал с некоторым ужасом. Судя по внутренним часам, проснулся я гораздо раньше, задолго до рассвета. И нет чтобы сосредоточиться да задуматься над чем-то приятным, так меня чёрт дёрнул вспомнить своё пребывание в аквариуме «Тетриса». От напряжённого мышления ко мне вдруг вернулось чувство ноцицепции, и я в полной мере ощутил головную боль. Другой бы радовался, а мне только хуже стало. Я никак не мог логически объяснить то, что со мной произошло.

Если бы я лично управлял рукой с джойстиком – нет проблем. Смеюсь и радуюсь. А так получается, что тело само управляет, без всякого моего участия. И мало того, меня ещё и забросило в кошмарную виртуальную вселенную. Но получается, что я каким-то образом мог оттуда влиять на свое тело и управлять им. Как такое могло случиться? Другое дело, будь я в том самом разрекламированном коконе, где симуляторы создают картину полного восприятия компьютерного мира. А я ведь просто лежу на обычном, пусть и более удобном во всех смыслах лежаке. Откуда вдруг взялось такое тотальное внедрение в нарисованную двухмерную иллюзию?

Наверное, все-таки виноваты какие-то паразиты. Или

микробы. Сначала они дружной толпой захватили все члены моего покалеченного тела, а теперь добрались и до чудом спасшегося сознания. И решили его окончательно доконать виртуальными кошмарами. Если это так, то к чему это может привести?

Ответ прост, как тот «Тетрис»: ещё одна или две подобные тренировки – и после тысячной или двухтысячной «смерти» я окончательно сойду с ума. Правда, тут же в глубине моего сознания хихикнул ехидный внутренний голос:

«Скорей всего, ты уже давно сумасшедший!»

Нет! С этим я никак не мог согласиться. Если я в бредовой горячке, то тогда всё, буквально всё мне попросту мерещится. В том числе и визиты моих любимых родственников. А подобное – недопустимо. О таком даже думать нельзя!

Поэтому я бесцеремонно затолкал свой внутренний голос в самый дальний угол сознания и пригрозил вообще его порвать как Тузик грелку, если он нечто подобное второй раз вякнет. Судя по тому, как надолго заткнулся тот самый «голос», благоразумия ему хватало.

Раз я с ума не сошёл, то следовало срочно выработать тактику и стратегию, которая позволит мне, как это ни парадоксально звучит, остаться в здравом уме. Вырисовывалось целых три варианта действий. Первое: я умудряюсь каким-то образом донести до моего лечащего врача простую истину, звучащую примерно так:

«Оставь меня в покое, чанга бригаасса!»

Вот только жаль, что страшное проклятие конголезийского шамана не будет услышано моим мучителем. А вести нормальный диалог стихийно дёргающимися конечностями я ещё не обучен.

Второе: мне следует очень, очень постараться и... заснуть. Точно так же, как это у меня происходило в момент крайнего бешенства остального тела. Оно крушило палату и окно, а я себе преспокойно дрых в своем мирке. И при всех сложностях этого процесса (уснуть внутри тюрьмы, наплевав на внешний мир) он казался наиболее оптимальным.

Ну, и третий вариант, если заснуть не удастся. Наверное, он окажется наиболее тяжким и мучительным: сражаться до конца. И при этом постараться ускользнуть непосредственно из игрового поля. Или ещё как-то извернуться, чтобы не ощущать неприятных моментов смерти и перерождений.

О предположении, что меня вчера посетил разовый кошмар, который больше никогда не повторится, я старался не думать. Так сказать, во избежание излишнего разочарования. Не хватало мне только окончательно расслабиться, а потом получить неприятностей выше крыши. Лучше сразу настраиваться на самое худшее.

Вот я и начал настраиваться. Постарался думать о хорошем – и головная боль прошла. Сконцентрировался для долгого сна и вроде как стал впадать в приятную дремоту. Постарался отключить слух, и звуки, раздающиеся в клинике на рассвете, канули в туман. Своё внутреннее зрение я тоже

попытался ликвидировать, чтобы уже никакие внешние раздражители меня не разбудили. И всё получилось! Я довольно крепко и надолго заснул.

Вот только после побудки радовался я недолго. Одно мгновение, не больше. Потому что в сознание набатом ворвались слова раздражённого и расстроенного эскулапа:

– Максимка! Да что с тобой сегодня?! Ты уже битый час ни одного толкового движения не сделал! Расслабься! Сконцентрируйся только на восприятии «Тетриса»!

«Ах ты, японский городской! – взвыл я мысленно на господина Синицына. – Опять обзыватьсся надумал?! Кто тебе позволил моё имя коверкать? Вротенборген!»

Вот и расслабься тут. Вместо нормального, спокойного продолжения сна я разнервничался, разозлился, окончательно переходя в режим бодрствования. И скорей всего чисто непроизвольно засмотрелся всё на тот же надоевший мне накануне «Тетрис». А там действительно царил полный хаос. Скоростной режим вроде был на минимуме, но «болванки» вращались несуразно, падали куда попало, и ни о каком призовом звоночке не могло быть и речи. Похоже, тело просто нагло развлекалось. А может, это паразиты окончательно ополоумели? Или кто там захватил управление моими конечностями?

Непроизвольно завёлся. Так же непроизвольно несколько раз дёрнулся, чтобы поправить не так вставляющийся фрагмент. И влип! Второй раз провалился сознанием в выдуман-

ный мир! И вот уже первая «болванка» с неотвратимостью судьбы валится мне на голову...

Умираю, не успев даже сориентироваться или посмотреть вверх. Что интересно, в этой ипостаси я не слышу голоса Аристарха Александровича, зато чётко, с каким-то кровавым удовлетворением ощущаю в себе новое, только что родившееся десятое чувство. Наверное, его можно назвать ауроцепция, то есть ощущение рядом ауры особо ненавидимого человека. Причём воспринимаю чужую ауру уверенно, распознаю эмоции безошибочно и готовлю соответствующие планы мести.

Я отбил в сторону падающий фрагмент, и в ауре психиатра четко проявляется всплеск восторга и облегчения. Наверняка он сейчас орёт нечто вроде «Молодец Максимка! Пошла жара!». Что в свою очередь заставляет меня подумать над усилением намеченного ущерба физиономии эскулапа. Скорей всего, не буду оглушать его с одного удара, ломая при этом челюсть. А буду бить в четверть силы, долго, нудно, аккуратно и только по болевым точкам. Да, я злой.

Пока я предавался мечтам о сладостной мести, довольно бесшабашно отбил с десятков «болванок» в стороны, чуть ли не произвольно укладывая их подходящими выступами в нужные углубления. Звякнул первый звоночек, и вся масса просела на один фрагмент. В следующий момент эта подлая клистирная редиска увеличила скорость игры вдвое! Нет, ну каков козел, а? Его бы на моё место, пусть бы попрыгал, по-

метался, изображая лихого каратиста. Мне ведь ни умирать, ни метаться не хочется.

А как быть? И тут перед моими глазами предстала идеальная лазейка, позволяющая урезать моё бесцельное напряжение если не в пять раз, то в два, нет – в три раза. Сбоку от себя я заметил образующийся завал, поставив перемычку над которым можно было остаться в незаполненном окошечке игрового поля. Чем не «домик», в котором можно на некоторое время скрыться от всех забот и печалей здешнего кошмара?

Вот я туда и юркнул. И, усевшись вполне вольготно, со злорадством стал подсчитывать, сколько понадобится игре, чтобы доверху забить столбец падающими фрагментами. Как оказалось, недолго, секунд пятнадцать. После чего всё началось с нуля. Но я-то уже свой драйв уловил! Несмотря на увеличившуюся скорость падения, в пять ударов выстраиваю аккуратный домик над собой, где высиживаю преспокойно очередные четверть минуты. И так несколько раз. В любом случае, получалось преотлично: рабочее время к отдыху соотносилось как один к трём.

Мало того, чуть позже я стал экспериментировать. Отбегал в угол игрового поля и, обходясь всего тремя «болванками», сооружал для себя укрытие из трёх игровых клеток. После чего усаживался на выступ и расслабленно отдыхал целых двадцать пять секунд! Потому что смещающиеся в сторону в падении фигуры довольно долго выстраивались в пи-

рамиду, замыкающую точку сброса.

Подлый докторишка резко увеличил скорость падения элементов на мою бедную голову, но я всё равно не оставался внакладе. Три секунды работал, двадцать отдыхал.

Самое интересное, что у меня появилось свободное время для того, чтобы в первую очередь присмотреться к себе, а во вторую – к ауре Аристарха Александровича. Каррамба его разорви! Потому что ауроцепция продолжала действовать, и жуткое разочарование моего мучителя, непонимание, досада и нервозность читались как крупный чёрный шрифт на белом листе бумаги.

Но это – ладно, так и должно быть по всей логике. А вот мой внешний вид поразил не на шутку. На мне оказался всего лишь один элемент одежды: этакие странные трусы телесного цвета. Некая смесь между «семейными» и теми, которые нам выдавали на военной службе по контракту. В первый момент, рассматривая этот шедевр «а-ля де Зайцев», я даже заподозрил что-то страшное: «А не стал ли я в этом грёбаном виртуале бесполом?»

Оттянул резинку, убедился в беспочвенности своего страха и облегчённо вздохнул. Всё на месте. Хотя какой с этого здесь может быть толк? Но додумывать, что кое-что болтающееся может мешать во время прыжков и перебежек, не стал. А вдруг... Мысли здесь материальны – и стану похож на куклу, ровный и гладкий и без трусов? Не-е, нафиг, нафиг!

Во время следующей передышки попытался рассмотреть

старые шрамы и боевые отметины, полученные в разные периоды жизни. Хм!.. А нет ничего! Ни единого следа не осталось. Ощупал лицо – тоже в порядке, ещё и гладко выбритое. А судя по упругости мышц, по подтянутой коже и пульсирующему в крови энтузиазму, этому телу не больше двадцати пяти лет от роду. Хорошо это или плохо? Ха! Равнобедренно!

Ещё десяток расслабленных перерывов, и мне стало скучно. Судя по ауре моего мучителя – он впал в глубокую задумчивость и никак не мог понять, почему эксперимент перешёл в стадию тупого ступора. Потом всё-таки догадался, что это ответ моего разума на большие нагрузки, и стал сбавлять скорость. Вначале чуток, но в конце концов – до начального уровня. Вроде мне и хорошо стало, время отдыха увеличилось чуть ли не до минуты. Но... едрит его налево и направо, как скучно! И «домой», в тюрьму, не вернёшься, и здесь – тоска.

Тут и пришло решение:

«Что, если ещё разок попробовать через верхнюю дырку выскочить наружу аквариума? Ведь некоторые элементы не всей нижней плоскостью сразу вниз продавливаются, а, допустим, только выступающей частью. Значит, надо в верхней точке залечь и подождать свой шанс, а потом попробовать перекатиться за край. Ага... вначале рукой надо прощупать – вовремя вспомнил я про удар головой... Правда, наверняка пару раз не просто придавит, а разрежет к чертям соба-

чьим, но... Не умирать же здесь, внизу, от скуки?»

Опять глупость банальная по поводу что-то там сказавшего мужика в голову полезла, но я её в сторону отбросил и сам полез наверх.

Основательно строил башню, солидно и с учётом нужного мне действия. Вначале пару раз и в самом деле умер, нарабатывая кровью, можно сказать, опыт и знания. Но невероятный взрыв энтузиазма последовал после того, как рука всё-таки нащупала свободное пространство за верхним краем. И последующий десяток смертей только раззадоривали сознание: неужели мне слабо добиться желаемого результата?

Оказалось, что не слабо! Добился своего!

Но тут же выяснилось, что соображаловки у меня всё равно не хватает. Ибо заранее не подумал: а что там, за краем прозрачного аквариума? Куда я буду падать? И выживу ли я после падения? Ведь одно дело умереть на игровом поле, а другое – невесть где, с шансом уже никогда не возродиться. Не получится ли так, что моё захваченное паразитами тело лишится разума окончательно и бесповоротно?

Вот такие грустные мысли стали одолевать меня, пока я падал в неведомое нечто. Причём падал с ускорением, которое не слишком-то отличалось от физических законов нормального мира. Почти, потому что какая-то плавность и замедление всё-таки ощущались. Судорожно извиваясь, мне удалось как-то развернуться ногами в ту сторону, куда я летел, и последовавший удар обо что-то упругое и пыльное

чуть не переломал мои бедные конечности. Затем меня сильно крутануло, и остальные удары пришлись уже на иные части моего многострадального, пусть и сильно помолодевшего тела. В самом финале этого сумбурного кувыркания я зарылся головой в нечто сыпучее, чуть не свернув шею. Стараясь не обращать внимания на хруст в позвонках, я начал лихорадочно раскапываться по тривиальной причине: нечем было дышать.

Сыпучая субстанция оказалась мелким сухим песком. Вокруг меня образовалось облако пыли и, даже когда я прочищался и отплевался, легкие все равно судорожно сжимались от недостатка кислорода. Хорошо, что догадался отползти в сторону на четвереньках – там оказалось и не так пыльно, и сравнительно светлей. В этом месте, где было относительно чисто и свободно, я окончательно прокашлялся, уселся на пятую точку и стал с недоумением осматриваться. Нечто подобное можно было предположить заранее, но всё равно действительность превзошла фантазии воспалённого сознания.

Вокруг меня находился целый мир «Тетрис». Плоские аквариумы, возвышающиеся на неких постаментах из кубов пористого, упругого вещества, без какого-либо порядка занимали всё видимое пространство. Они различались по высоте, ширине и толщине. Но в каждом из них непрерывно падали и падали вниз геометрические элементы игры. В подавляющем большинстве игровые поля явно использовались

игроками. Там фигуры укладывались правильно и довольно ловко. Кое-где укладка производилась идеально: чувствовалась сноровка чемпионов или как минимум мастеров своего дела. Но виднелись и такие аквариумы, в которых игра совершенно не контролировалась. Там падающие «болванки» быстро достигали верхнего предела, тут же пропадали, и бессмысленное падение возобновлялось.

Как ни странно, но покинутый мною «Тетрис» продолжал кем-то управляться. И уровень этого управленца я бы назвал чуть ли не самым низким из увиденных вокруг. Но худо-бедно фигуры порой укладывались вполне правильно, иногда даже целые заполненные полосы пропадали. А так как у игрового поля был чуть ли не максимальный объем (ещё бы, ведь надо мной висел огромный экран!), то каждый гейм длился пять-шесть минут. То есть захватившие тело «микробы» либо обрели собственный разум, либо нагло эксплуатировали остатки моего.

«А может, у меня действительно раздвоение личности? – не на шутку обеспокоился я. – Половина сознания осталась в покалеченной черепной коробке, а половина «провалилась» в мир больного воображения? Причём не столько раздвоение случилось, а разделение?»

Решил проверить, наскоро перебрав воспоминания почти всех прожитых лет, начиная с самого детства, и уже спокойнее вздохнул: ничего не пропало. То есть либо тело действовало подсознательно, либо я весь, окончательно и беспово-

ротом, во власти особой формы шизофрении. Чему, честно говоря, верить совершенно не хотелось. Затасканное утверждение «Я мыслю – значит, существую!» как-то не слишком радовало, зато настраивало на оптимизм. Да и тело, молодое, крепкое и работоспособное, не дало впасть в пучину разочарования и уныния, наоборот – заставило действовать.

Тепло? Сухо? Мухи не кусают? И голод не гложет? Тогда чего торчать на месте и пялиться на светящиеся аквариумы? Следовало срочно задуматься над будущим этого нового, явно воображаемого тела. Да и вообще хоть немножко проанализировать создавшуюся ситуацию. Ведь, чтобы мне вернуться в основное тело, следует забраться на верхушку своего «Тетриса» и «умереть» именно в нём. Только об этом не стоило и мечтать. Разве что летать научусь. Ибо вспомогательные средства для восхождения отсутствовали, а из единственных тросов верёвки не сплетьёшь. Заботливо заготовленных и приставленных к аквариумам лестниц тоже не наблюдалось. А предсказывать своё ближайшее будущее бессмысленно.

Я решил: если не смогу забраться обратно (что, с одной стороны, было бы неплохо – осмотрелся бы сверху до здешнего горизонта), то надо срочно куда-то двигаться. Вдруг отыщу нечто ценное или полезное во всех смыслах? Или хоть некоторые тайны данного маразма приоткроются?

Кстати, мелькнула интересная мысль. Если бы удалось забраться на «чужой» аквариум и провалиться в игру, где бы

оказалось моё сознание? Вдруг в новом, совершенно здоровом теле, пусть и совершенно иной личности? А куда бы тогда делся прежний хозяин захваченной мною оболочки? Стали бы двумя жильцами в одной комнате? Вряд ли двое уживутся в одном. Тогда, скорее всего, полное сумасшествие и натуральное раздвоение личности будет гарантировано обоим. Врачи попросту насмерть заколют уколами, угнетающими любую разумную деятельность. А если ещё представить, что можно попасть не в мужское тело, а в женское, то... Бр-р-р! Не приведи господь!

Последняя фантазия меня основательно подстегнула, и я перешёл на бег. Двигался по мягкому песчаному грунту без единой травинки, кустика или деревца. Кругом густой сумрак, разрежаемый лишь слабым отсветом из аквариумов, и полная, ватная тишина. Ни тебе звонков премиальной игры не слышно, ни музыки, которая порой «Тетрис» сопровождает, ни стука падающих элементов укладки. Только еле слышный шелест песка под босыми ногами да моё шумное дыхание.

Таким макаром я пробежал километра три. Местность не изменилась. Ничто не предвещало осложнений, как вдруг нечто светлое меня ударило по лбу, в глазах померкло, и я услышал обращённый ко мне голос.

Глава 6

Путь парадоксов

Голос оказался знакомым:

– Что-то ты, Максим, в этот раз ну совсем плохо отработал. Вчера на ночь получалось в разы лучше. Устал, что ли? Или не выспался?

О-о! Если бы я мог ему ответить, он бы много чего услышал! Несмотря на раздражение, возврат в собственное тело сразу после окончания сеанса принес мне огромное облегчение. Словно свежего воздуха вдохнул. Всё-таки застрять со знанием в кошмарной вымышленной реальности мне совершенно не хотелось. Вот только что и как именно нужно сделать, чтобы туда больше не проваливаться? Аристарх Александрович ведь не согласовывал со мной все детали происходящего и нисколько не сомневался в положительном результате, как и в своём праве и дальше издеваться над калеккой. А вот в *его* профессионализме уже начал сомневаться я.

И, словно в унисон душевным и умственным терзаниям, прямо в моей палате виртуально-игровой терапии разразился неприятный скандал между двумя психиатрами. Шумно дышащий мужчина, говорящий на английском почти без акцента, с ходу набросился на главврача:

– Господин Синицын! Что вы себе позволяете?! Как вы

посмели проводить эксперименты без меня? Да ещё и самовольно усадить в операторской комнате невесть кого?!

– Уважаемый Освальд. Здесь нельзя громко шуметь и нервировать пациента. – Тот попытался мягко урезонить своего коллегу.

– А где же мне высказать своё возмущение, если меня не допустили на место оператора?!

– Давай просто выйдем в коридор. Тем более что наш пациент всё хорошо слышит и прекрасно понимает английский.

– Понимает?! – ещё больше завёлся Освальд. – Тем лучше! Тогда он прекрасно осознает, кто довёл его до полного сумасшествия убийственными нагрузками. Да и я молчать не стану, немедленно свяжусь с нашим концерном-производителем в Лозанне, опишу вашу антигуманную деятельность, порочащую высокое моральное звание врача, и потребую немедленного привлечения вас к ответственности.

Ох, как же я был согласен со скандалящим швейцарцем! Так и пожал бы его толерантную руку за правильные и своевременные слова.

Только мой докторишка-мучитель не собирался сдаваться и живо заткнул оппоненту фонтан красноречия:

– Освальд, вынужден вам напомнить, что всё оборудование комнаты принадлежит клинике, и вы здесь не более чем технический консультант, в знаниях которого мы уже и не нуждаемся. Так что можете отправляться в свою Лозанну

вкупе со своими неуместными жалобами и безосновательными требованиями. Я сегодня же закрою вашу командировку и распоряжусь бухгалтерии о покупке билета для вашего отправления на родину.

– Ах, так?! И вы не побоитесь обструкции и презрения всего мирового сообщества психиатров?

– Дорогой Освальд. На презрение напыщенных снобов, которые в нашей профессии мало в чём разбираются, я, простите за грубость, клал с прибором. А мнение тех, кого я действительно уважаю, сильно отличается от вашего и вам подобных, по сути своей, технических специалистов. Поэтому требую немедленно покинуть данное помещение.

– Господин Синицын! – уже почти рычал разъярённый представитель производителя. – Вы ещё страшно пожалеете о содеянном. Зло – всегда наказуемо! – выкрикнул он напоследок, после чего, похоже, вышел вон.

Наступила минута полной тишины, если не считать звука шагов. Затем ещё несколько минут относительного спокойствия, и главврач вернулся. Хотя я и не видел ничего (глаза самопроизвольно и давно закрылись), но почему-то представил себе определённые действия. Наверное, ауроцепция помогла. Ведь за это короткое время можно было выгнать помощника из операторской, отключить видеокамеры и запечатать второе помещение на ключ. Так сказать, во избежание посторонних ушей.

А потом голос дяди Аристарха раздался возле самого мо-

его уха:

– Максим, ты этого слесаря не слушай, такие, как он, вообще дальше инструкций ничего не видят. А вот чтобы познать, охватить единым взглядом всю проблему, у них ни желания, ни опыта, ни образования не хватает.

Естественно, я не смог удержать проявления недовольства от таких речей. Потому и задёргался, точнее говоря, постарался двигать лишь одной челюстью, а что там задёргалось в организме, мне оглашать не стали. Только и раздалось шиканье:

– Тише, тише! Не возмущайся! – зашептал он, словно перевел мои судорожные движения в слова или тоже ауру читать научился. – Понимаю твоё недовольство, и, поверь мне, будь я на твоём месте, вёл бы себя идентично. Только у меня гораздо больше данных о твоём теле, чем у остальных вместе взятых. И, что хуже всего, на мне лежит вся ответственность за твоё состояние. Папашу-то своего хорошо знаешь? – сделал паузу, дожидаясь, пока я дёрнусь. – Вот именно! И я его знаю, мы с ним давние приятели. Ведь если он на что-то взъётся, то от моей клиники, да и от меня самого только ключья полетят. Объясняю: я не столько боюсь, сколько отлично осознаю все возможные негативные последствия. Честно говоря, если бы я предвидел такое развитие событий, вообще бы помалкивал и об игровой комнате, и тем более о её закупке. Не пришлось бы брать у Сергея огромные суммы, а теперь отчитываться за результаты. Ибо легче было бы

пригласить нескольких коллег высокого ранга и вывернуться под шумок групповой ответственности. Что бы с тобой ни случилось, меня бы это не коснулось. Но тут дело другое... тебя я знаю чуть ли не с пелёнок...

Он замолк на несколько тягостных минут. А я постарался не шевелиться и максимально расслабился, чтобы, не дай бог, не пропал слух. Что-то мне подсказывало, что на мою голову ещё не все возможные беды свалились, и это невозможно напрягало. Да так оно в действительности и оказалось.

Врач тяжело вздохнул и приступил к изложению вставших перед нами трудностей. Правда, вначале засомневался в существующем между нами контакте:

– Ты хоть слышишь меня? – моё дёргание его не очень убедило. – Ты слишком часто вздрагиваешь непроизвольно. Давай повторим вопрос-ответ... – лишь после пятого согласованного нами действия он поверил: – Отлично!.. Точнее говоря, рад, что ты меня слышишь и понимаешь. Всё остальное – скверно. Так вот... Ещё два дня назад я получил особенную спектрограмму одной из частей твоего мозга. Она сразу вызвала у меня подозрение из-за неуправляемости твоего тела. А за прошедшие два дня мы с тобой оба убедились, что твой разум сохранился великолепно. Исчезли лишь связи между ним и частями тела. Точнее, они есть, но совершенно перепутаны. А всему виной небольшая опухоль в голове... И спектрограмма это подтвердила.

Наверняка я сильно дёрнулся после этих слов, так как тон

стал максимально сочувственным:

– А то я не понимаю, каково тебе! Но в то же время я хорошо знаю, насколько ты человек решительный, отрицающий любое нытьё и готовый сделать всё нужное, даже находясь на смертном одре.

Несмотря на бушующую в моём сознании бурю, я приложил все силы, чтобы не шелохнуться. Наверное, мне это как-то удалось, потому что послышалась похвала:

– Стойко встречаешь очередную жизненную перипетию, значит, я в тебе не ошибаюсь. И немедленно перехожу к делу. Не стану утомлять всякими заумными медицинскими терминами, таблицами и аналитическими графиками. Итоговые выводы таковы: опухоль неоперабельна, и в нормальном состоянии, если мы поставим тебя на ноги, угробит тебя за год, а то и меньше. Главное в моей фразе: «*если* мы тебя поставим на ноги». Потому что именно в ней заключается главный парадокс. Имеются два случая в медицинской практике, когда люди, лежавшие в коме с такой же опухолью, через год от неё избавились. Но! Всё это время, весь год (!) продолжая оставаться в коме. То есть сам организм, если ему не мешать и не напрягать умственной деятельностью, прекрасно справляется с этой убийственной напастью. М-м... ты понял суть стоящей перед нами проблемы? Если нет, шевели челюстью на счёт «три»...

Как же! Поймёшь такое, особенно если весь этот нонсенс относится к собственному телу. Я опять размечтался огреть

этого докторишку-садиста хуком с левой, а потом ещё и ногами добавить по жизненно важным органам. Да. И в челюсть тоже.

Однако выбора у меня не было. Я пытался шевелить челюстью, доказывая доку свое неполное понимание ситуации и требуя добавочных сведений, разъяснений и подробностей.

Тот и не возражал:

– Конечно, общую картину своего состояния ты рассмотреть не сможешь, а мне как профессионалу вряд ли доверяешь безоговорочно.

Ну, это он зря. Хоть и хотелось избить этого старикана, но его значимость как психиатра я понимал прекрасно. Один из лучших в нашей стране, если не самый... Скольких людей, в самом деле, на ноги поставил, скольким вернул радость жизни – не счесть. По авторитетному мнению корифеев науки Синицыну давно следовало и академика присвоить, и прочее. Да только он не падок на титулы и звания: работа и деньги... Уже повторяться начинаю...

В моём положении было абсурдом не верить Аристарху Александровичу или пытаться противиться его предписаниям. Он, конечно, не понимает, в какую пропасть сумасшествия загнал меня своими экспериментами, но, кажется, он либо имеет далекоидущие планы в отношении моей психоматрицы, либо уже начал претворять свои задумки в жизнь. Да и эти его слова по поводу комы – неспроста прозвучали. Ох, неспроста! Оставалось только дослушать до конца.

Что я и сделал в меру своих ущербных возможностей. И услышал крайне неприятный для себя сценарий:

– Тебе надо так постараться с перенапряжением разума, чтобы ты впал в кому. В этом долбанный сантехник из Швейцарии прав – увеличение нагрузок приводит к полному коллапсу сознания. Просто ему пока про опухоль знать не следует. Да и не поймёт он грядущего для тебя риска... Поверь мне, это лишь я чётко осознаю. И знаешь почему? Сам наблюдал четыре случая развития аналогичной опухоли, во всех случаях приведших к смерти пациента. И три раза – мы людей вполне удачно ставили на ноги после психических расстройств. А они – умирали... Пусть и не по нашей вине, но факт остаётся фактом. И по миру таких случаев сотни. Да! Ещё учти: самый скорейший срок твоей полной реабилитации – два месяца. Но это не гарантирует, что после этого ты стопроцентно сможешь управлять своим телом. Вполне возможно, что останется хромота, скрюченные пальцы, нервный тик... А вот те, кто пролежал годик в коме, – выжили. И сейчас до сих пор переводят кислород в углекислый газ.

Док снова сделал паузу, вздохнул и продолжил:

– Я настаиваю на том, чтобы погрузить тебя в состояние комы. Вчера ты работал в этом плане замечательно. Особенно в середине увеличившихся нагрузок. Да так замечательно, что в какой-то момент я испугался: ты вернулся в полное сознание и вернул контроль над собственным телом. Вот

тогда я бы тебе уже ничем не смог помочь... И год ты бы прожил... примерно... Не знаю, что ты там чувствуешь, что творишь и как действуешь, но надо сделать всё, чтобы ты «где-то там» на год и остался. Сегодня же ты стал хитрить, делать всё мыслимое и немыслимое, лишь бы лишний раз не перенапрягаться. В этом случае ты разработаешь моторику, вернёшь управление телом – и аут. Снова впасть в состояние комы сложнее, а повторной аварии ты не переживешь...

Тут уже я не выдержал, в порыве эмоций пытаюсь спросить о самом главном. Уж не знаю, как там моё тело извивалось или вздрагивало, но господин Синицын проявил удивительную догадливость:

– Тебя волнует, как ты выйдешь из комы через год? – Я затих, перестав дёргаться. – Поверь мне, методик у меня предостаточно. Разбужу, взбодрю, на ноги поставлю, будешь как огурчик малосольный. Хе-хе! Весь в пупырышках... И по поводу спящего разума не переживай. Иногда ты будешь просыпаться в темноте, скучать и размышлять о вечном. Но такие пробуждения случаются раз в одну-две недели. Сам посуди, что такое тридцать, тридцать пять пробуждений? Особенно если сравнивать с полноценной жизнью в последующие годы?

И что тут скажешь? Как отреагировать? Ведь почти уговорил, чёрт языкастый. Он таких, как я, не одну сотню, если не тысячу уговорил, вот и меня логикой припёр к стенке. Да и куда мне было деваться? Хотелось, конечно, проигно-

рировать новость про опухоль и всё-таки восстановить полноценное управление телом. Но вдруг опухоль и в самом деле страшна и неоперабельна?

Лучшим выходом в сложившейся ситуации было довериться профессионалу и не делать лишних движений.

Додумать я не успел, док зашептал:

– Ты пока полежи, разберись в себе и прими решение. Хочется, чтобы ты и мне и себе помог, а не вредил. А я тем временем пробегусь по клинике. Дела не ждут, да и ты у меня не один. Как только освобожусь, сразу к тебе вернусь...

Убежал... А я остался размышлять о своей нелёгкой доле. Начал с воспоминаний об аварии.

Что-то у меня в подсознании твердило, что бяку мне подстроили недоброжелатели. Уж слишком явные у меня воспоминания о сопротивлении руля и грубом удушении. А ведь со мной в машине никого не было, я всегда тщательно просматриваю салон перед началом движения. С войны осталась привычка.

Я понимал, что моё годовое пребывание в коме сотрёт все следы, растворит подозрения, и потом будет никак не отомстить виновнику моей беды. А значит, затаившийся враг в моём окружении останется и дальше, и ещё неизвестно, кто станет его будущей жертвой. Хорошо, если его злоба была направлена лично против меня, а если против моих родственников тоже? Ради сестёр я готов и последний год потратить, коль уже на то пошло, но крысу в нашем окруже-

нии отыскать. Так что у меня имелся существенный повод не подчиниться господину Синицыну. Но он же был и огромным минусом. Потому что два месяца реабилитации тоже не дадут мне провести расследование. А потом – сколько мне останется? И в каком я буду состоянии?

М-да... Лучше повалиться в полном мраке...

И тут я вспомнил пережитое мною в мире «Тетриса». А что, если не уходить оттуда? Застрясть где-то там, успев отойти как можно дальше от своего «персонального» аквариума? Если я правильно понял, то там я почти бессмертен, не нуждаюсь в воде и пище и получаю возможность путешествовать в любом направлении. Другой вопрос: что будет, если мир бесконечен и я не смогу добраться до его края? Или до чего-то, что сможет развеять мою скуку. В таком случае можно и в самом деле повредиться рассудком от тоски. Не лучше ли тогда просто валяться в состоянии комы?

Я пытался понять, что представляет собой мой недавний игровой кошмар – вариативные порождения моего больного мозга или иную разновидность ухода из действительности. И если решаться, то следовало хорошенько все обдумать. Опять-таки, вдруг у меня не будет другого варианта? Я тут перенапрягусь, тело останется в коме, а сознанием так и продолжу в течение года метаться под падающими на голову «болванками? Стопроцентное сумасшествие! Ведь если подумать (и оставить пока в стороне подозрение, что мир «Тетриса» выдуман больным воображением), то некоторые

«Тетрисы» с застывающими и быстро растущими пирамидами – это не брошенные игры, а скорей всего итог умственно-го расстройства игроков или их полной смерти. Не случится ли подобное и со мной?

Следовало как-то осмотреться в новом мире, пусть и порождённом кошмаром. В идеале, хорошо бы ещё разок попробовать проскользнуть наружу, но не сразу свалиться за борт и вниз, а остаться на верхнем торце аквариума. Подсмотреть саму технологию возникновения чуда, а потом ещё и по окрестностям оглядеться, вдруг с высоты удастся рассмотреть что-то интересное. Но для этого придётся ещё и с доктором изначально договориться. Ведь чем медленнее будет вестись игра, тем легче мне будет выбраться из игрового поля.

И вот тут на первый план выходил неразрешимый, казалось бы, вопрос: а как именно можно будет договориться с Аристархом Александровичем? Он и так моё «да» или «нет» скорей по наитию угадывает, чем по несуразным конвульсиям. А тут до него следует донести целую сложную фразу:

«Не торопитесь, дайте мне два дня!» Даже один день.

Но еще не факт, что я не буду мешать выздоровлению, убежав далеко от своего «Тетриса»...

Но ведь психиатр не просто умный, а гениальный дядька! Может, он сам догадается высказать нужные предположения? Если так, то мне останется подтвердить сказанное. Получится у нас беседа или нет?

Не попробуешь – не узнаешь.

Глава 7

А «Тетрис»-то – не одинок!

До очередного визита главврача в мою палату я успел выспаться. А судя по некоторым ощущениям, меня и покормили, и напоили, и массаж против пролежней сделали. Страшно ощущать себя беспомощным, так что теперь я прекрасно понимал парализованных людей и их желание скорее распрощаться с этим подобием жизни.

Но в себе я совершенно не сомневался: обязательно выживу, выздоровею и встану на ноги. Причём эта уверенность основывалась не только на моём врождённом оптимизме, тяге к активной жизни и уверенности в собственном, пусть пока и непослушном, теле. У меня были предчувствия, что все мои проблемы – временные, не стоит на них заикливаться, а надо просто набраться терпения и ждать.

Врачу я верил, теперь оставалось решить проблему с наметившимся диалогом. И когда психиатр появился в поле зрения моих открывшихся глаз, я постарался максимально сконцентрироваться на слуховом восприятии. Тем более что под видом лёгкого трепя мне давалась хорошая возможность настроиться и даже расслабиться:

– Ещё одну проблему удалось решить, – радостно вещал Аристарх Александрович. – Доставили заказанные у канад-

цев несколько комплектов специального электрического белья, которое, благодаря электрическим импульсам, имитирует движение мышц и предотвращает образование пролежней. Так что тебя отныне не будут кантовать каждые два часа для массажей и протираний. А это, в свою очередь, приведёт к спокойному пребыванию в состоянии комы. Меньше просыпаться будешь.

От такой трогательной заботы я чуть не прослезился и с трудом сдержал раздражение. Но, видимо, всё-таки задёргался, так как эскулап перешёл к более волнующей меня теме:

– У нас целый час для разговора, так что соберись. Буду пытаться не только твоё согласие узнать, но и пожелания, условия выслушать. И для оптимизации нашего диалога давай всё-таки опять попробуем экран и сразу два джойстика. Мой помощник слегка перенастроил простенькую программку, и ты теперь перед собой увидишь просто цветковое насыщение экрана. Всё просто: зелёный цвет будет означать твоё согласие, ну а красный – отрицание. Приступаем сразу же, джойстики у тебя в ладонях... Спокойно, расслабься... Просто представь себе очередную игру в «да и нет»...

Минут пять мои руки спазматически пытались ухватиться за рукоятки управления электронными игрушками. Ещё четверть часа ушло на согласования моих ответов, которые я имел возможность наблюдать на экране перед собой. Движения рук суммировались, благодаря чему процент погреш-

ности уменьшался, и итоговые результаты можно было считать шикарными. Дельно отвечать я умудрился четыре раза из шести. Один раз ответ получался ошибочным, и один раз оба цвета на экране застывали в равном противостоянии. Чем не насыщенный диалог? По сравнению с предыдущими днями я был говорлив, как базарная торговка.

Так и началась наша первая после моего попадания сюда продуктивная беседа. Док спрашивал:

– Так ты согласен впасть в кому на целый год? – Я нейтрально помалкивал. – Или у тебя есть какие-то условия? – Я несколько раз заполнял экран зеленым. Причём сам прекрасно видел результат своего ответа, и если получалось два раза сказать «да», опять «замолкал» до следующего вопроса или предположения. – И это условие касается непосредственно наших экспериментов?..

Вот так и общались. И за час действительно пришли к общему знаменателю. Господин Синицын получил от меня чёткое согласие на предстоящие нагрузки, а я от него добился отсрочки на два дня. Точнее даже не отсрочку, а время на попытку самому «уйти в неведомую даль», оставив тело выздоравливать в нужном для него состоянии. Это понимание далось моему собеседнику с трудом, и он одну и ту же фразу повторял в пяти или шести вариантах, настолько не мог поверить:

– То есть у тебя имеется возможность самостоятельно и целенаправленно уйти в глубокую медитацию, что внешне

будет выглядеть, словно глубокая кома? – На это я отвечал «да» шесть раз. – Тебе помогут в этом твои восточные техники выхода в астрал? – Док высказал вполне правильное предположение, с которым я согласился. – Тебе требуется медленное течение игры для должной концентрации?

Десять раз зеленый цвет на экране.

– Ладно, будем пробовать, – принял окончательное решение Аристарх Александрович. – Сейчас придёт твоя сестра, поэтому ты хоть вначале игры покажи результат в доказательство своей возрождающейся разумности. Потом нам легче будет поддерживать твоё тело в неприкосновенности. Понимаешь, к чему я клоню? Твой отец может на меня обозлиться, устав ждать такое долгое время, и пригласить иных специалистов для твоего спасения. А они не все придерживаются единого мнения по поводу опухолей в мозгу.

До прихода Вероники меня успели облачить в доставленную из Канады новинку, так что моя сестричка удивилась моим электродоспехам:

– Однако! Что это на нём за странная пижама? – выдала она с порога, но, получив объяснения, успокоилась. – Мне показалось, что вы его опять пытаетесь водить силком по комнате, восстанавливая моторику ходьбы.

Были такие моменты на первых этапах лечения. Но док только отмахнулся от упрёка, предлагая Веронике усаживаться рядом с моим ложем:

– Не будем терять время и начнём с самого приятного.

Сейчас ты получишь подтверждение на все сто, что брат тебя не только видит и слышит, но и понимает каждое слово. Задавай вопросы и смотри на экран...

Понятно, что док желал подстраховаться и с этой стороны, на случай гнева моего отца. Уж моя средняя сестричка кому угодно и что угодно докажет, если сама в это будет верить. А в том, что с моим разумом всё в порядке, она убедилась быстро, задав мне десятка два вопросов самого широкого спектра. После чего не удержалась от нескольких слезинок и требовательно уставилась на главврача:

– Говорите, что будем делать дальше?

Про предстоящий год комы доктор вначале ничего говорить не стал. Зато детально обрисовал ожидающую меня игру, добавив:

– Он уже может воздействовать на игровое поле двумя руками. На этой стадии от нас больше ничего не зависит. Медленно, не спеша будем поднимать скорость игры и вести наблюдения за восстанавливающимися в организме связями. В принципе уже завтра твоё присутствие будет не обязательно. Хотя... ещё от двух дней твоего участия в нашем эксперименте мы бы с Максимом-Адриано не отказались.

– Я всё на работе уладила, – заявила моя защитница и любимица. – Так что завтра и послезавтра буду здесь.

Дополнительная моральная и физическая поддержка от родного человека меня очень взбодрила. Поэтому уже без всяких сомнений и колебаний я ринулся в пространство мо-

ей болезненной фантазии. Ибо уже окончательно уверовал, что иной мир – это и в самом деле результат восточных техник, помогающих выходить из реальности в астрал. Только я не в астрал попал, а в детскую завлекаловку, доступную человеку в любом возрасте.

Очередной провал произошёл довольно быстро. Не успел я ещё толком освоиться с перемещением элементов сразу двумя джойстиками, как оказался в аквариуме игрового поля и вынужден был отражать падение удлинённого уголка. Произошедшее меня озадачило, потому что изменилась моторика моих движений. Что-то явно мешало, а ноги почему-то скользили по полу. Пришлось устроить для себя «домик», и в нём пересидеть пару минут, осмотреться. Сюрпризы не заставили себя ждать: помимо трусов на мне имелось какое-то несуразное одеяние. Штаны и куртка из толстого, в несколько слоёв материала, соединённые между собой электрическими кабелями. По кантам брюк шли молнии, позволяющие их снять в лежачем положении, не спуская вниз. Точно такие же молнии имелись и на куртке, прямо по наружному канту рукавов. Только толстые носки надевались по-нормальному и почти доставали до колен. Между собой все части костюма соединялись клеммами на зажимах.

Отгадку подсказала яркая расцветка моего костюма, не оставляющая сомнений в том, что это больничная пижама. Я-то раньше её со стороны не видел, но видела Вероника,

смеясь над моим видом в странной пижаме. А значит – на мне тот самый девайс из Канады, который электромагнитным воздействием предотвращает пролежни.

Но как и почему ни разу не виденная мною пижама оказалась внутри моей фантазии?! Что-то в здешнем кошмаре не сходилось... Что именно?

Это я обдумывал следующие четверть часа, одновременно пытаюсь укладывать «Тетрис» как можно старательнее. Ведь следовало показать свои возросшие навыки в руководстве телом, как настоятельно просил док. И я не зря потратил это время.

Вначале виртуальная пижама показалась мне громоздкой, неудобной и даже жаркой, но я постепенно к ней приноровился и почти не замечал. Да и логика подсказывала: какая-никакая – а одежда. Вдруг пригодится вне аквариума? Да в ней только проводов метров двадцать, не считая прочного материала, – можно и верёвку сделать или ещё к чему приспособить. Не говоря уже о том, что она банально согреться поможет в случае неожиданного холода.

Я окончательно решил, что пижамка пригодится, и наружу следует выбираться именно в ней. После чего, так ни разу и не погибнув, по составленной башне добрался до свода. Само собой разумеется, что медленный режим игры оказался наиболее удобным, чтобы проскользнуть наружу, иначе я невесть сколько провозился бы на ускоренном режиме. Теперь следовало не только перемахнуть через край, а всем

телом успеть нырнуть в щель в торце и остаться непосредственно на крышке аквариума.

Вот тут мне пришлось попотеть и погибнуть несколько раз. Вначале меня придавило целиком, а потом и на части разрезало пару раз. Боль при этом оставалась одинаковой, кровь не брызгала, и мои опасения остаться вне игрового поля с отрезанными ступнями и умереть от потери крови оказались беспочвенны. Только меня начинало давить или резать, как тут же милостиво наступала смерть, и я начинал с нуля на дне аквариума.

В конце концов упарился я довольно быстро и понял, что не успеваю в пижаме проскользнуть наружу. И стал раздеваться. Вначале успевал выбросить наружу брюки и носки. Потом и с курткой стал управляться, как ветеран подиума. И что интересно, каждый раз, возрождаясь для новой игры, я всегда оказывался полностью экипированным. Судьба уже выброшенной из аквариума одежды мне была неизвестна. Да меня в тот момент подобные тонкости и не интересовали – полностью сосредоточился на результативном нырке из позиции лёжа. Та ещё морока получилась!

Я уже сбился с подсчёта своих попыток, когда удалось достичь желаемого. И то, перекатываясь, чуть было вниз не свергся. Больно ударившись грудью, я завис в шатком равновесии головой вниз, и только отчаянным рывком остановил опасный перекося и выбрался-таки на верхний торец своего игрового аквариума.

Пока пытался отдышаться, понял – кое-что изменилось...

«Боль здесь совершенно иная! В несколько раз ощутимее, чем во время виртуальной смерти!»

Рёбра после удара неприятно болели, и я старался дышать неглубоко.

Очередной парадокс действительности? Или новый выверт моей болезненной фантазии? Ладно, с этим можно и позже разобраться, тут бы иные нюансы рассмотреть досконально.

Я осмотрелся и первое, что заметил, были разбросанные вокруг аквариума предметы одежды. Вот это да! Как я и предполагал – это была моя пижама, пережившая множество репликаций. Куртки и штаны были разбросаны у подножия или свисали с торца аквариума. Удивительный факт требовал осмысления...

Ещё ранее я планировал разобраться в процессе возникновения фигурного элемента укладки – хотелось понять, откуда он берётся. Но это пришлось отложить на некоторое время, потому что меня увлекло созерцание окружающего ландшафта. Ради такого зрелища было не жалко любого времени. Мои усилия остаться наверху аквариума оправдались на все сто.

Сразу было заметно, что мой светящийся постамент оказался чуть ли не выше всех остальных в округе. Метра на три или на два как минимум. Да и мой рост, метр восемьдесят шесть, давал возможность лучше осмотреться.

Горизонт здесь, как таковой, отсутствовал. Светящиеся модули «Тетриса» сливались в полосы улиц, районов, превращаясь в световые пятна туманностей и простирались невероятно далеко. Сложилось чёткое понимание: здешняя поверхность – не округлая, как Земля, а идеально прямая и ровная.

«А как ещё могут располагаться вымышленные игровые пространства? Только по прямой?! Хе-хе! Или в виде кошмарных лабиринтов?»

Но так как мне было привычнее делать привязку к сторонам света, то я и здесь решил как-то упорядочить увиденное. Взял за центр новой вселенной свой родной аквариум, торцы которого указывали на север (там я уложил несколько курток) и юг, а боковые стороны соответственно на остальные части света. Вот и получалось, что запад и север довольно далеко, почти до предела видимости принадлежали миру «Тетрис». Далее без оптического усиления рассмотреть что-либо было невозможно, но разноцветное сияние указывало на заметное отличие обстановки.

На востоке, примерно в пяти километрах от моего местоположения, пурпуром пламенели уходящие вдаль холмы. Причём некоторые из них, как мне казалось, поросли огромными деревьями, на них виднелись очертания строений, похожие на башни и крепости. Видно было нечётко, но в том, что там находится совершенно иное пространство, не похожее на уже привычное нагромождение аквариумов, – я не

сомневался. Чтобы не путаться, я постарался придумать название и связать его с частью света. В итоге, хоть оно и звучало пафосно, но легко запоминалось.

Земли Восточного Пурпура.

С юга широченным клином в мир «Тетриса» вонзалось пространство, где на границе, вертикально плоской поверхности, ярко били лучи, и рассмотреть что-либо за этим светящимся частоколом было невозможно. До этого участка, который я назвал Сияющим Миром, было по прямой не более трёх километров. Удивляюсь, почему в прошлый раз я не побежал именно в ту сторону? Неужели снизу не видно этого подсвеченного на добрую треть небосвода? Или здесь присутствует смена дня и ночи?

Я прикинул, куда же в радиусе трех километров я мог пойти, и, ориентируясь на изогнутый аквариум неподалёку, вычислил, что на север.

Пришло грустное понимание, что бежал бы я туда до посинения... Но важно ли это, если я тут и в самом деле бессмертен?

Я внимательно прислушался к состоянию организма. Есть не хочу – уж внутривенно меня кормят в любом случае. А вот пить, как ни странно, хотелось.

Облизнув пересохшие губы, я нахмурился и приказал себе вслух:

– Это всё тебе мерещится. Забудь о жажде!

Голос звучал нормально, узнаваемо. Но в этом мире не

было эха... Совсем.

Я отвлекся от размышлений и решил, что пора рассмотреть загадочную «процессорную», ту точку пространства, где формировался, а потом падал вниз очередной геометрический элемент укладки. Я был ошеломлен увиденным и был вынужден признать за собой уникальные способности выдумщика (ведь всё это происходит в моём сознании!).

Оказалось, что очередной фрагмент формируется сразу, как провалился в свод аквариума предыдущий. Сонм искорок вначале контурно обозначает объект, потом он натурально материализуется, обретает вес, глубину, прочность и... проваливается вниз.

А искорки тотчас же формируют новую «болванку».

Ни тебе проводов, ни раструбов с лейками, ни голографического проектора с какими-нибудь лучами, вообще ничего нет!

«Хм! А что ещё я надеялся тут увидеть? – Я попытался рассуждать с юмором. – Роботов? Одного с пилой, вырезающего фигуры, а другого – с молотом, забивающего их на голову игрока? М-да, кажется, моя опухоль развивается не по дням, а по часам... Срочно впадать в кому!...»

Это означало, что нужно завершать предварительную разведку, прыгать вниз и бегом направляться к одному из соседствующих миров. Выбор был очевиден – только к Сияющему! Потому что здешний сумрак, хоть и казался таинственным, уже начинал приедаться. Я вообще человек солнечный

и всегда любил страны, где пожарче. Пусть туда (на здешний юг) тоже не пять минут идти, но мне-то что? Ведь здесь я всесильный и бессмертный! Что хочу, то и ворочу!

Правда, собравшись уже прыгать, вспомнил о боли в рёбрах и решил перестраховаться. Как бы я ни был крут в своём аквариуме, но предыдущее падение с него явно завершилось без переломов случайно. Я с иронией представил, с какой чёткой координацией движений и невероятной ловкостью я вчера падал, и хмыкнул. А ведь этаж шестой, не меньше! И как бы ни радовали внизу упругие кочки из похожего на полиуретан вещества, поднимающиеся на высоту двух этажей, прыгать я длительное время не решался. Я долго выбирал оптимальное место и даже подумывал распустить на провода насколько пижам. Всё-таки спуститься вниз по верёвке — это не сигануть вниз сломя голову. Остановил меня тот факт, что зацепить конец сплетённого изделия на верхней плоскости аквариума просто не за что.

Пришлось прыгать. Благо, что помолодевшее тело не потеряло опыта и навыков моей бурной жизни в реальности. Хотя совсем гладко тоже не получилось. Чуть подвернул левую руку и опять зарылся носом в кучу песка между аквариумами. Пока отплёвывался да отряхивался, додумался до очевидного:

«Кажется, этот мир построен на аналоге пустыни Сахара. Подвозить столько песка здешние строители запарились бы!»

Вначале я пытался бежать в носках. Всё-таки цивилизованному человеку без обуви – не комильфо. Но скорость передвижения по песку только уменьшилась. Поэтому я без сожаления сбросил изделия канадских мастеров и помчался к цели босиком и в одних трусах. Мысли прихватить с собой куртку или штаны даже не возникло.

Пока бежал, приходилось часто оглядываться – старался запоминать общие ориентиры. Да и с направления сбиться не хотелось. Вдруг потом возвращаться придётся к «родному» игровому монументу? Столбы яркого света манили к себе невероятно, но и о тропинке назад забывать не следовало. Но, к счастью, мои следы на песке просматривались даже в здешних сумерках. А кроме них больше ни единого отпечатка не существовало. Пока, по крайней мере.

Меня начинали все больше напрягать непредвиденные требования организма. К концу забега жутко хотелось пить. А когда перешёл на шаг, всматриваясь в странные, словно из земли исходящие лучи, понял, что и перекусить не помешало бы. Именно голод озадачил меня больше всего.

«Если голод – выдумка, то почему вокруг только песок? Ведь этой субстанцией сыт не будешь. Почему моя фантазия настолько однобока? Где пальмы, кокосы с бананами и страстные горячие пейзажи? Придётся кому-то отвечать по всей строгости перед судом внутренней совести...»

Дальнейшие наблюдения заставили меня забыть о голоде. Белые лучи вырывались из широкой, километровой пропа-

сти, края которой терялись далеко слева и справа от меня. А за ней всё явственней и чётче просматривались невысокие, но обильно покрытые снегом холмы, торчащие скалы и даже горы. Причём на пространствах между ними торчали деревца, буквально изогнувшиеся под тяжестью навалившегося на них снега.

И если бы не согревающее тепло вздымающихся из пропасти лучей, мороз наверняка и сюда перекинулся бы, а одежду-то я бросил... Только и оставалось ругать самого себя.

«Нет! Уж такого безобразия я точно не мог придумать! Не люблю я зиму и никогда не любил. И никогда не понимал тех, кто летом на пляже заявляет: «Как я соскучился по зиме и глубокому снегу!...» Не по мне такое счастье... с удовольствием его меняю на тёплую водку и распалённых солнцем женщин. М-да...» Но если это придумал не я, то отсутствие бананов с шоколадными пейзажами было оправдано.

Край пропасти ничем не напоминал каменный обрыв или провал природного происхождения. Скорей всё это походило на согнутый, а потом треснувший лист толстенного картона. Обе плоскости сходились строго под углом в девяносто градусов. То же самое было и на противоположной стороне обрыва. Я пытался рассмотреть стену, но ничего кроме серого шероховатого камня не видел. А что тогда так ярко светит из глубин? Пока не заглянешь – не узнаешь. Оставшиеся три метра до края я полз на четвереньках, опасаясь просто подойти и наклониться. Что-то меня напугало, хотя высоты

я совершенно не боялся.

Пока полз, я успел запоздало пожалеть об отсутствии на себе больничной пижамы, и даже парочка толстенных носков пригодилась бы. Всё-таки под коленями оказался далеко не картон... Такие мысли отвлекали. Но когда я дополз, улёгся на край и заглянул туда – забыл про всё на свете. Сразу и надолго.

Взору открылся совсем иной мир с невероятно далёкими горизонтами.

Чтобы понять и осмыслить увиденное, пришлось несколько раз закрывать глаза, унимая страшное головокружение. Даже подташнивать начало от неправильности. Я ведь смотрел вниз, а на самом деле получалось, словно выглядывал из какой-то траншеи.

Прямо передо мной находился тонкий гранитный карниз шириной в метр. За ним змеилось углубление – русло бурной и полноводной реки, а метра через четыре виден второй карниз, за которым плавно уходило вниз километров на десять взгорье с лугами, где в траве по колено паслись стада экзотических животных.

За взгорьем – зеленеющие дубравы и рощи, несколько озёр, холмы, а ещё дальше – высокие, изрезанные ущельями горы. На нескольких холмах видны крепости и замки, а на самом дальнем и огромном возвышался город. Всё это освещалось громадным, склоняющимся к закату светилом по размеру раза в три больше нашего Солнца. Оно уже каса-

лось гор на горизонте, и в розовом свете заката я старался рассмотреть как можно больше и очень расстроился, когда странный сгусток света устремился мне в лицо, оглушил и дезориентировал, насильно возвращая в темноту иного пространства.

В этот момент слышался хорошо знакомый голос Аристарха Александровича:

– Максим-Адриано! Ух, какое же у тебя длинное имя! Как самочувствие? Можешь отвечать на вопросы или устал? Джойстики у тебя до сих пор в ладонях.

Глава 8

Где выход, там и вход

Да уж! Поговорить мне хотелось о многом! Но, очнувшись в своём жалком покалеченном теле, ни на что, кроме глубокомысленного мычания, рассчитывать не приходилось. У меня было всего три варианта ответов на вопросы доктора: «да», «нет», «не знаю-сомневаюсь-жду другого варианта вопроса». Не густо...

Синицын умудрился озадачить меня сразу несколькими вопросами, и мне ничего не оставалось, как упорно сигнализировать: «Да!» Кажется, док понял свою ошибку, тотчас переходя на конкретику:

– То есть ты желаешь пообщаться?.. И совершенно не устал? – получив на последний вопрос чёткое «нет», он обратился к порывающейся что-то спрашивать Веронике: – А ты пока не спеши, мне кажется, его не слишком интересуют наши эмоции и впечатления. Скорей, это ему нужно выговориться. Правда, Максим? – док хмыкнул на моё подтверждение и добавил: – А то и что-то потребовать желаешь?

Так уж получилось, что психиатр словно чувствовал мои пожелания и довольно легко угадывал направление интересующей меня беседы. Поэтому в подавляющем большинстве я отвечал положительно, совсем редко – отрицательно, и ни-

чтожное количество раз не знал как ответить. Эскулап умел формулировать свои вопросы, а за некоторые я готов был простить всю его вредность, занудство и даже исковерканное имя.

На некоторые его формулировки я готов был кричать «браво!» и аплодировать. Его догадливость иногда казалась чудом:

– Тебе новая пижама мешала?.. То есть ты твёрдо уверен, что хочешь в ней оставаться? Ага, не только в ней?.. Значит, тебе требуется что-то ещё из одежды?.. Не спрашиваю, что именно, но как мы на тебя это наденем?.. Сомневаюсь... правильно ли я тебя понял, но неужели ты просто хочешь, чтобы некие элементы положили на тебя? Например, на ноги?.. Хм! И на грудь?.. Что-то из обуви?.. Ты ещё скажи – свои армейские берцы!.. – хихикнул он, но увидев положительный ответ, удивился. – Шутишь?!. Уверен? Что, серьёзно?.. Прямо вот так взять и положить их тебе на ноги?.. Или всё-таки надеть?.. Или для начала просто положить?.. Да-а-а... Уже боюсь дальше спрашивать... Штаны?.. Куртку?

Два последних комплекта были мне не нужны, и я бесился, не зная, как сказать про экипировку. Всего-навсего о двух деталях. И тут он снова чудесным образом угадал!

– Может, тебе чего из снаряжения подкинуть?.. О, как сигналил зеленым... Пояс и нож в ножнах? – Нет, обойдусь пока. – Комплект скалолаза? – Нейтрально выжидаю. – Что-то конкретное из этого комплекта? – Наконец-то! – Неужели

страховочный линь?.. Надо же... Длинной за сорок метров?.. Пятьдесят?.. Шестьдесят?.. Сто?!

Конечно, сто! Высота моего «Тетриса» с шестиэтажный дом. Вдруг придётся обратно на игровое поле забираться самостоятельно? Да ещё неизвестно когда. А уж тогда всяко сумею закинуть линь на крышу виртуальной конструкции. Или сразу его там как-то приспособить. Да и для перехода в Сияющий мир, предполагаю, верёвка мне понадобится. Ту же речку преодолеть, если перепрыгнуть не удастся.

Естественно, если отправляться в путешествие, то много чего надо! Но я для начала должен осмотреться, проверить сам момент перехода и создать некую базу в течение нескольких переходов (если ещё моя задумка с переносом вещей получится!). Поэтому из экипировки я потребовал лишь одно необходимое приспособление: бинокль. Очень хотелось ближе рассмотреть то, что смутно виднелось на землях Восточного Пурпура. Если там и в самом деле крепости и города, то, может, туда вначале наведаться? Хотя Сияющий Мир всё равно меня манил больше.

Про бинокль договорились, что его повесят мне на грудь. Также оговорили и скорость игры. Удалось уговорить дока, что она станет совсем смехотворной, по возможному минимуму. Ведь мне тогда не придётся лишний раз погибать при проскальзывании на верхний торец своего аквариума.

На этом исполнение моих просьб завершилось. Зато начались вопросы со стороны моей сестрички, которые Ари-

старх Александрович оказался не в силах остановить. Вероника вознамерилась убедиться, что я не сошёл с ума окончательно, а если она что решит, то спасайся кто может. К примеру, её вопросы меня напрягли и утомили больше, чем беседа с доктором вкупе с моим путешествием в моём астрале.

Капельницы с питательными растворами подкармливали меня постоянно, утку меняли регулярно, да и пижама с электромагнитным массажем действовала великолепно. Я-то не чувствовал всего этого, но сестра подтверждала заверения врача:

– Бутыли с жидкостями только и успевают менять. Так что голод и жажда тебе не грозят.

Напоминание о жажде мне показалось более чем своевременным, потому что в мире «Тетриса» пить всё-таки хотелось. И я долго и настойчиво сигнализировал об этом доку. В итоге «уговорил» на обычный поясной ремень с флягой для воды.

Вероника ничего не могла понять и окончательно обалдела от моих требований. Хорошо хоть после сонма своих вопросов осталась уверена, что я в здравом уме, её люблю и буду себя беречь в любом состоянии.

Господин Синицын понимал почти всё, разве что ошибочно предполагал, что с неким имуществом на себе я получу более сильные, а то и решающие способности по переносу своего сознания в дальний астрал. Даже вслух одну из своих догадок высказал:

– Нет ничего лучше, чем сидеть возле пещеры отшельника

и любоваться с высоты открывающимся видом на вселенское пространство...

Хм! О чём это он? И за кого меня принимает? За Вишну или многорукого Шиву? Увы, мои фантазии более приземлённые: мир «Тетриса» и всё, что с ним граничит. Кроме мира Зимнего, конечно, что виднелся по ту сторону Сияющего. Он явно не был моей выдумкой, и возможно, что в следующее посещение его там не будет.

Напоследок я договорился с доком, что он опять меня подключит к джойстикам и к экрану через два часа, которые мне отвели для сна. Вероника со мной попрощалась, попросила вести себя хорошо и умчалась.

А я уснул. И, судя по всему, док меня разбудил, когда основной рабочий день в клинике закончился, а он остался на внеурочные сеансы с моей тушкой. С того и начал жаловаться:

– Опять сегодня домой не попаду, жена меня уже неделю не видела... Да и с твоими заказами – морока. Берцы Вероника прислала с посыльным, бинокль и капроновый линь удалось прикупить без осложнений. А вот толковой фляги днём с огнём не сыщешь. То пластиковая дрянь, то из вредного для организма алюминия... Пришлось у одного знакомого, авторитетного коллекционера одалживать на пару дней. Вот посмотри, какая прелесть!

Честно говоря, я оказался тронут такой заботой и нежеланием главврача подменить мои заказы чисто бутафорски-

ми реквизитами. А уж фляга, так вообще чуть не вызвала слёзы умиления. Титановая, на полтора литра, с выдавленными на обеих сторонах великолепными рисунками дракона и оскалённого тираннозавра. Крышка на цепочке, сбруя под ремень, отдельный ремешок для руки. Явно работа мастера по индивидуальному заказу.

Хороший дядька Аристарх, здорово понимает, чего пациентам не хватает, словно сам в их шкуре побывал... А вдруг и побывал? Я-то никогда не интересовался, а сейчас и не спросишь. Вот встану на ноги – обязательно выясню. Если не забуду.

Дав мне налюбоваться на коллекционную редкость, док подпоясал меня, надел на ремень флягу, уложил на груди бинокль и стал пристраивать мои армейские ботинки в ногах. При этом он неожиданно рассмеялся, да так сильно, что только через несколько минут смог пояснить причину своего веселья:

– Умора! Ты бы глянул на себя со стороны! В пижаме, с заказанной экипировкой – хоть сейчас на первую страницу плейбоя! Разве что лицо твоё со шрамами картину полного счастья портит. Я тут подумал, что, сфотографируй нас сейчас сантехник Освальд, меня уже ничто не спасло бы либо от Нобелевской премии, либо от помещения в смирительную рубашку и направления в соседнюю с тобой палату. Ха-ха!

Ну да, ему со стороны видней. И по поводу смирительной рубашки он вряд ли ошибается. А вот фотографию свою

увидеть в будущем почему-то очень захотелось. Наверное, и в самом деле та ещё картинка. Жаль, что пока договориться о фото не получится. Постараюсь в следующий раз донести своё согласие на фотосессию.

Успокоившись, психиатр приступил к экспериментам:

– Джойстики у тебя под ладонями, сейчас сбегая в операторскую, включу экран... Помощника я тоже отпустил, сами справимся. О! Молодец! Пальцами уже почти правильно шевелишь! – потом его голос замолк, зато ожил экран, по которому лениво и редко стали плыть вниз элементы укладки «Тетриса».

Я снова постарался расслабиться, а затем сконцентрировать всё своё внимание на процессе игротерапии. Уж очень хотелось быстрее выяснить: что именно из предоставленного мне перечня предметов перенесёт моя фантазия в вымышленную вселенную. Предварительное время моего пребывания там – четыре часа – мы оговорили с господином Синицыным заранее. Думаю, для полной разведки мне вполне хватит. Так что...

Не прошло и нескольких минут, как я оказался в отлично знакомом мне аквариуме. Чуть не упал – поза на вывернутых ногах в тяжелой обуви была неудобной – и с ходу заорал от восторга:

– Получилось! Барахлишко со мной! – отбил в сторону падающую «болванку» и быстро постарался снять берцы, надетые поверх толстенных электроносков из Канады и сда-

вившие мне пальцы. Кстати, внутри моей обуви оказалась ещё пара чистых хлопчатобумажных носков. Ремень с полной флягой на поясе выглядел и в самом деле смешно, зато жажда мне точно не грозит. Альпинистский, прочный и тонкий лить, видимо, свалился и теперь лежал под ногами.

Теперь готовность номер один – и вперёд!

Уже неспешно сооружая пирамиду, я подумал:

«Смешно сомневаться, но смогу ли я протащить сюда автомат Калашникова? Да с полной разгрузкой? Вроде должен пронести, и надо бы попытаться. Но как, что и кому будет Синицын объяснять по поводу боевого оружия в палате психа? Если отец поверит – проблем не будет, но поверит ли мне сам доктор? Ведь одно дело фляга для морального декора, и совсем иное – смертоносное, запрещённое в свободном обиходе оружие. Не примут мою просьбу за полное и окончательное сумасшествие? Да ещё и с потенциальным кровавым буйством...»

Пришлось отложить размышления на потом, ибо моя башня уже доросла до свода, и нужно было заняться выходом из игрового поля.

Вначале я довольно ловко выбросил наружу все имеющиеся у меня вещи, оставшись только в «казенных» трусах. И только потом во мне вдруг зашевелилась вселенская жадность:

«Вдруг фляга затеряется в полиуретане? Или носки выпадут из ботинок? Да и верёвка никогда запасная не помеша-

ет...»

И намеренно позволил придавить себя насмерть очередным уголком «Тетриса».

Да, жадность – вредная штука. Возродившись уже на углу в полной экипировке, я оказался не только лишён всяческого манёвра из-за потери ловкости, но и попросту не смог выскользнуть наружу. По логике башню следовало строить несколько ниже, потом выбрасывать добавочные вещи наружу и выпрыгивать с приподнявшегося постамента. Поэтому вторую башню я уже возводил с учётом новых требований. Но несмотря на то, что моя ловкость оставляла желать лучшего, неуёмную жадность я обуздал лишь после седьмого или восьмого выброса всех вещей за борт. Ну и напоследок, оставив на шее болтающийся бинокль, всё-таки выкатился на крышу моего выдуманного (как я всё ещё надеялся) аквариума.

Цел, здоров, почти не поцарапался. Да и обилие разбросанных вещей радует, земноводное во мне успокоилось окончательно. Так что осталось гордо выпрямиться во весь рост и осмотреться в своих владениях.

Мгновенно бросилось в глаза отсутствие вырывающихся из Сияющего мира лучей. Так, лёгкий отсвет только в том месте, где виднелась пропасть. А значит, там царит ночь, поэтому я и не заметил озарённого небосвода при первом посещении. Зато Зимний мир, расположенный сразу за километровой пропастью, в бинокль просматривался великолепно.

но. В самом деле, хоть новогодние картинки с натуры рисуй! Красота! Хотя мной и нелюбимая...

Сколько ни присматривался, ни следов, ни построек, ни вообще чего-то, связанного с разумной деятельностью, в Зимнем я не обнаружил. Да не очень-то и хотелось, если честно. Я заставил себя повернуться в другую сторону, не сомневаясь, что вблизи пропасти мне удастся рассмотреть снежные холмы намного лучше. Сейчас же не терпелось подвергнуть анализу другие пространства. Что я и делал, тщательно разглядывая через оптику земли Восточного Пурпура.

Сумрачно. Но в целом интригующе. Видны луга, участки леса, небольшие пруды и множество построек самого разного плана. Отдельные хутора, крупные посёлки, башенки и небольшие, окружённые стенами крепости. Разрушений не видно, но некоторые дома выглядят недостроенными.

Самое печальное: нет ни одной живой души. Ни людей, ни животных, ни птиц. Может, в прудах что-то и плескалось, но рябь на поверхности в бинокль рассмотреть не удавалось. Далеко всё-таки. И сумрачно. Хотя над дальними холмами светлела полоска неба – похоже, занималась заря.

Наверное, именно эта полоска и заставила меня изменить первоначальные планы. Зачем спешить в Сияющий, если там ночь? Мне ведь совсем нетрудно пробежать пяток километров, глянуть на восточную границу и к самим землям Пурпура присмотреться.

Раз решение принято – нечего терять время даром. Для последующих путешествий следует составить чёткий перечень необходимой экипировки, вплоть до автомата, если сочту нужным. А для этого следует пошевеливаться и провести разведку.

Спуск оказался прост и удобен, даже прыгать не пришлось. Верёвку я перекинул с самого края свода своего свещающегося аквариума, возле бокового торца. Оба её конца свесил вниз, связав как галстук, вдоль боковой стенки. А чтобы прочный линь не соскользнул к самому краю, сделал двойную страховку. На верхних гранях подложил те самые части одежды от канадских кутюрье – поверхность и так не скользкая, и химические, прорезиненные волокна моей пижамы не дадут сдвинуться к точке падения, а из второй бухты верёвки сделал гигантскую уздечку, которую накинул на противоположный край аквариума. Уздечка чуть провисла вниз, но вдоль боковых сторон, не мешая появлению новых элементов, и теперь прекрасно страховала спущенную с торца конструкцию.

Оставив наверху большую часть своего добра (на всякий случай), я наметил ориентиры – сверху-то лучше видно.

Спуск прошёл, словно на показательных учениях под руководством моего приснопамятного сержанта-матерщинника.

Глава 9

Хитрые пейзажи

В армейских берцах и несуразной пижаме, опоясанный лнем, я лёгкой трусцой двигался на восток. Не скажу, что бежал бодро, всё-таки пижама – не спортивный костюм «Адидас». Да и к концу третьего километра пожалел, что от жадности прихватил сразу две полные фляги. Это за грибами с ними ходить удобно, а вот при беге они норовили отбить печень и селезёнку, а болтающийся во все стороны биннокль пришлось привязать к телу благоразумно прихваченным третьим ремнём. В общем, поклажа создавала страшный дискомфорт. Зато со стороны я наверняка смотрелся импозантно и очень жалел, что не прихватил с собой цифровой фотоаппарат:

«Ничего, в следующем списке поставлю камеру на вторую позицию после автомата, – ухмылялся я мысленно. – Вряд ли можно будет перетащить такие фотки домой, зато хоть сам на себя полюбуюсь».

Настроение всё равно оставалось отличным, ближайшие перспективы казались радужными, и в голову даже пришли мысли, что временно побыть сумасшедшим, попутешествовав при этом в астрале, – не так уж и плохо. В нашем мире тоже прекрасного хватает, но то, что я здесь увидел, ни в ка-

кое сравнение не идёт с унылой действительностью!

Правда, червь сомнения пытался испортить праздник своим ехидным ёрничаньем:

«Не забывай, дядя, что всё это тебе только мерещится. А на самом деле ты валяешься на больничной койке, мочишься под себя, дёргаешься, как тарантулом укушенный, и с блаженной улыбкой пускаешь слюни».

Каков гад! Хорошо, что я подобных червей, особенно когда к цели бегу, перемалываю на фарш:

«Прочь сомненья! Да здравствуют приключения и последователи Миклухо-Маклая! Что с того, что эти приключения мною самим и придуманы?»

В итоге к границе я прибежал полный энтузиазма. Хмыкнул, выбрал кучу песка повыше и принялся обозревать открытые просторы. Причём начал непосредственно с самой границы, потому что выглядела она диковинно.

Передо мной была петляющая, медленно текущая река раскалённой лавы!

Вот именно она и придавала багровый окрас противоположному берегу. Широкая река, метров десять-двенадцать, пролегающая под тупым углом вправо и влево до самого предела видимости. Здесь находилась плавная излучина русла с магмой, общей протяжённостью километра в три-четыре. В багровом освещении мой определитель расстояний начинал сбоить.

В приближении теперь можно было идеально рассмотреть

замеченные мною ранее постройки на противоположном берегу. Но меня заинтриговало другое, что раньше было незаметно за островами смутно мерцающих «Тетрисов». Левее от меня, где-то в пяти сотнях метров, виднелся хрупкий мостик над магмой, а с другой стороны просматривались транспортные средства, в простонародье именуемые телегой. А кто делает телеги? Конечно же, люди!

И я, благоразумно выдерживая безопасную дистанцию между собой и раскаленным берегом, устремился к заинтересовавшему меня объекту. Тут и гадать не стоило, что данным переходом границы пользовались безвозмездно, совершенно не заморачиваясь таможенной пошлиной.

«Почему же я раньше ничьих следов не заметил? – на вопрос немедленно отыскался логичный ответ: – Я ведь не проверял *весь* мир «Тетриса». Жители могли и по другой «улице» пройти. Даже вообразить трудно, как я поступлю, если кого-то встречу... Неужто эта странная вселенная и в самом деле существует?»

Приближаясь к мостику, я тем не менее внимательно осматривался и почти сразу же обнаружил следы. Много следов лошадей и пеших путешественников. Среди них попадались следы женской обуви, как минимум шести размеров и разных фасонов, и детские. Исключительно все они вели в одну сторону – к пропасти-перегибу Сияющего мира.

То есть получается, что некто прибыл ко мне в гости без спроса, собрался в колонну и двинулся к заранее намеченной

цели. Теперь бы ещё понять те причины, которые подвигли неизвестных мне странников на подобное действие. И я приступил к осмотру моста.

Передо мной были два внушительных ствола, положенные рядышком и грубо стёсанные поверху... Общая ширина составила около семидесяти сантиметров, но людям этого хватило, чтобы перевести лошадей над раскалённой магмой и перейти самим. На той стороне я рассмотрел брошенную упряжь и хомуты, а в бинокль просматривались даже внутренности повозок. Вот тогда и разглядел на второй оконечности мостков, а точнее, возле них сложенное кострище и лежащее поверх него мужское тело.

Представить себе, как строителям мостика удалось перекинуть его на другую сторону, было сложно. Вариантов много. Возможно, у них были помощники, но даже в таком случае, я хорошо представлял все сложности постройки. У меня в голове возникла догадка, но уместна ли она в данном случае? Ведь чтобы управиться с двумя такими стволами, с *той* стороны понадобится двенадцать, если не четырнадцать крепких мужиков. Только что гадать – может, их и больше тут было.

А вот один из них так до переправы и не дожил. То ли он раньше умер от ран, то ли придавило его немалой лесиной. Почему от ран? Кого еще, кроме воина, будут накрывать шикарным плащом и укладывать тело сверху на большой прямоугольный щит?

Средневековье – не моя тематика, но фразу «Со щитом или на щите» хорошо помню. Тогда принято было хоронить воина с его оружием. Хотя как раз из оружия ничего, кроме щита, не просматривалось, но, может, оно плащом прикрыто?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.